

Татьяна Веденская

Личная жизнь женщины-кошки

роман



Лучшие романы об отношениях мужчины и женщины от одного из самых ярких авторов российского мейнстрима. Возвращают к счастливой жизни быстрее, чем сеансы психотерапевта.

Позитивная проза

Татьяна Веденская

Личная жизнь женщины-кошки

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веденская Т.

Личная жизнь женщины-кошки / Т. Веденская — «Автор»,
2017 — (Позитивная проза)

ISBN 978-5-699-98855-6

В жизни Фаи Ромашиной наконец-то «все очень хорошо», но появление новой начальницы в отделе ставит с ног на голову всю Фаину жизнь. А тут еще так некстати переезд к любимому мужчине. Проблемы одна за другой сыплются на девушку. Фая оказывается на волосок от тюрьмы. Она уверена: ее подставили. «Кому понадобилось меня уничтожить, зачем?» – не перестает спрашивать себя Фая. Ромашина намерена выяснить, кому выгодно ее убрать. Но получится ли у нее добиться правды и найти виновника ее бед?

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98855-6

© Веденская Т., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Веденская

Личная жизнь женщины-кошки

DISCLAIMER

Нижеизложенное описание жизни, метаний и тревожений Фаины Ромашиной и Игоря (Малдера) Вячеславовича Апреля является вымыслом, допущением, шуткой, бредом и параллельной реальностью автора.

Конечно, ничего этого как бы никогда и не происходило на самом деле.

Когда страшно – это нормально, так и должно быть. Это даже обнадеживает. Когда смешно – это тоже нормально, это защитная реакция, замечающая страх. А вот если страшно и смешно одновременно? Тогда, конечно, проблема налицо. Но это не моя проблема, у меня своих хватает...

Фаина Ромашина «Ночные признания»

Как найти истину в бесконечно черной комнате с бесконечно малой кошкой, которой там нет?

Все самое плохое еще впереди...

© Саенко Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Нужно всегда доверять людям... и не жаловаться потом, что деньги сняли

Я мало чего понимаю в этой жизни, но одно я знаю наверняка: если кто-то говорит, что вам страшно повезло, есть смысл подготовиться к чему-нибудь плохому – просто так, на всякий случай. К примеру, за одно только сегодняшнее утро я услышала эту фразу аж четырежды, и каждый раз мне хотелось перекреститься, плюнуть через плечо, взяться за пуговицу и перейти на другую сторону улицы. И все это при том, что я вовсе не суеверная и даже наоборот, отлично понимаю, что никакая сторона улицы не может повлиять на мою судьбу. Но все равно... мало ли что.

Лучший день в жизни любой девушки...

Ну да, на свадьбу сестры я пришла не одна. И что? Да, я заявила туда с Игорем Вячеславовичем Апрелем, мужчиной во всех отношениях достойным, внешне очень приятным (настолько, что хочется сделать из него постер и приклеить на стену), полным различных внутренних положительных качеств. В числе которых имеются спокойствие, уравновешенность, хороший характер и вдобавок к этому высшее медицинское образование и лицензия практикующего психотерапевта. Хотя для меня психотерапия – это скорее минус. Я ее не люблю и боюсь, как кошки воды. Но... должны же быть у Апреля хоть какие-то недостатки. Психотерапия, непредсказуемость и полная личностная самодостаточность. Такие вот минусы у этого идеального на первый взгляд мужчины.

Игорь относился к таким мужчинам, про которых Машка Горобец сказала бы: «И не раскатывай губу, такой тебе не по зубам». И я, кстати, в целом с ней согласна. Куда мне! Апрель в дорогом светло-сером костюме и с легкой улыбкой на губах был до того похож на Малдера, то есть на Дэвида Духовны в его лучшие «секретно-материальные годы», что жених Лизы и будущий отец ее второго ребенка, Сережа Тушаков, чудовищно проигрывал на фоне Игоря Вячеславовича. А уж насколько нелепо рядом с Апрелем смотрелась я – растрепанная женщина двадцати семи лет от роду, в нелепом розовом платье с рюшами, а на лице – жалкие попытки создания макияжа «смоки айс». Нет, определенно, Малдер мне не по зубам, но мне так нравится стоять с ним рядом и чувствовать его руку на своей талии. Ну... пока это не кончится, потому что все хорошее когда-нибудь кончается. Это только Сережа Тушаков всегда возвращается, как мертвецы в книгах Стивена Кинга.

Родственники многозначительно кивали в сторону моего компаньона и поздравляли меня так, словно я выиграла в лотерею. Меня тут же начинало терзать нехорошее предчувствие. Лучшее, на что я надеялась, что мой Апрель окажется маньяком, желательно сексуальным. Худшее... что все закончится так, как всегда.

А вообще, в такой-то день разве не должна была вся артиллерия родственного внимания обрушиться на Лизавету, мою сестрицу, невесту и виновницу сегодняшнего торжества? Разве не ради нее все эти люди, большую часть которых я не видела лет сто, приперлись сегодня в такую рань к академическому загсу? Разве не Лизе нужно говорить, что ей страшно повезло, даже если это вовсе не так? Но нет, сестре никто ничего такого не говорил, старательно обходя стороной вопрос ее персонального везения десятой дорогой. И в этом была своя правда. Сва-

дѣба, несмотря на всю шаткость ее основы, все же грозила состояться, и это обстоятельство огорчало меня.

– Ну что, когда они там откроют? Холодно же, не май месяц! – воскликнул раздраженный Сережа, и мне пришлось заставить себя сжать зубы и досчитать про себя до десяти. Так, как говорит мой психотерапевтический мужчина, можно справиться с приступом гнева. Я воспользовалась этим методом, наверное, в сотый раз за это утро. Помогало все хуже, ибо на жениха моей сестры реакция у меня одна – аллергическая. Я покрываюсь пятнами и вся чешусь, особенно руки – надавать бы ему по его такой обманчиво приятной физиономии.

– Май будет завтра, – пробормотала я, миновав число «десять». – Думаешь, погода изменится наконец?

– Должно же прийти тепло, – возмутился Сережа, и я снова принялась считать до десяти. Я смотрела на жениха моей сестры и вспоминала фильм про сбежавшую невесту. Может ли так случиться, что Сережа сбежит прямо из-под венца? Может быть, он забыл взять с собой паспорт? Оставил его, к примеру, в заднем кармане своих постиранных моей сестрой джинсов, а сам надел черный костюм, купленный на мамины деньги и выглаженный Лизой? Вся свадьба влетела нам в копеечку, и мне пришлось срочно оформить кредит на работе, чтобы покрыть банкет, а Сережа стоит и злится, что перед дверями загса слишком холодно. Неделю назад его вообще не было в Москве, и все мы надеялись, что свадьба сорвется. Но нет же, вернулся.

Семья. Я повторяла это себе – у Лизаветы будет с Сережей семья. Что, куда более ценно, у моего племянника Вовки и у его еще не рожденной сестры появится настоящий отец. Это важно, когда он есть. Хорошо, конечно, когда отец такой, какой был у нас с Лизаветой. Неплохо даже, когда отец такой, как дядя Дима, муж тети Оли, сестры нашего с Лизаветой папы. Хоть дядя Дима и был «отщепенцем, паразитирующим на теле науки и прогресса» – так его именовал мой папа за то, что дядя Дима преподавал в МАИ и занимался организацией всяких платных подготовительных курсов и программ по обмену вместо того, чтобы положить жизнь на алтарь настоящей науки. «Отщепенец» был приятным мужчиной, седовласым, в больших очках в роговой оправе, он любил рыбачить, рассказывал смешные анекдоты и, что самое важное, никогда не пропадал «в командировках» неделями, как Сережа. А ведь Сережа даже не особо работает.

Вовка подбежал ко мне, красный и задыхающийся от бега.

– Ты чего не в машине? – возмутилась я. – Тебя кто выпустил?

– Мама пласила спласить, не откльили ли еще? – отчеканил мой гениальный племянник, преисполненный важностью данного ему поручения. Я покачала головой, поправила Вовкину шапку, перевязала шарф, который он явно пытался стянуть. Погода была переменчивой. Черт знает, как одевать ребенка. На солнце уже почти жара, в тени – все еще зима. Загс открывался с девяти, мы приперлись к восьми утра, боясь застрять в московских пробках. Девять – единственное время, которое нам дали после того, как мы сначала свадьбу отменили, а затем снова назначили. Потому что Сережа вернулся, мать его. Хотя о чем я говорю. Даже теория вероятностей говорит о том, что событие, которое может случиться, обязательно произойдет. Если на макаронной фабрике может случиться короткое замыкание, оно обязательно будет. Если моя сестра решила выйти замуж за Сережу, то даже сам Сережа не в силах этому помешать, сколько бы ни пытался.

– Так идти? – переспросил племяшка, и я было замотала головой, но тут двери загса вдруг открылись изнутри. К решетчатому забору и калитке, закованной амбарным замком, подошла строгая полноватая девушка в черной юбке и белой блузке – просто не сотрудник, а ода дресс-коду – и открыла нам вход.

– Пусть идет, – сказала я, а тощая речка из наших родственничков потянулась внутрь – греться.

Лизавета была счастлива. Я не знала, чем это объяснить, ведь еще вчера вечером, накануне этого знаменательного дня, сестра с Сережей чудовищно поругались из-за того, что у будущего мужа не было ни копейки на оплату торжества. Лиза плакала и запиралась от Сережи в комнате, она говорила, что у нее дурное предчувствие. Она спрашивала меня, нормально ли то, что даже кольца оплачивает мама, а я уточняла аккуратненько, какими критериями нормальности сестра хочет, чтобы я пользовалась. После этого неминуемо виноватой во всем становилась я. Лиза кричала, что я хочу всю жизнь человеческую разложить по алгоритмам и формулам и что так нельзя. Забавно, что жизнь человеческая – это во многом и есть алгоритм. Мы следуем знакомыми паттернами, повторяя опыт наших предшественников или, напротив, опровергая его. «Я никогда не буду жить так, как моя мать» мало чем отличается от «я хочу быть таким, как мой отец». От перемены мест слагаемых сумма не меняется. Никто не говорит, «я хочу быть таким, как кактус, буду размножаться отростками». Я пристыженно кивала и обещала не раскладывать больше жениха сестры по формулам. Сережа в это время обижался и допивал настойку «Алтайскую». Я про себя молилась, чтобы он не напился до того редкого состояния, когда его поведение становится непредсказуемым.

Молилась, а сама немножко надеялась на это. Что, если он потеряется и мы не сможем найти его до девяти утра? Но Сережа прообижался до полуночи и спокойно уснул. К моему огромному сожалению. Всем нам нужно было вставать в шесть утра – душ, прическа, макияж. Главное, чего хотела Лизавета от своей свадьбы, чтобы все было как у людей. Белое платье на беременной невесте – это все как у людей. Родственники, банкет в кредит – как у людей. Денег нет, но Сереже туфли новые и костюм – жених все-таки. Сережа же вернулся – это важнее всего. Успел, подлюка, и вот мы в розовом зале с вульгарными, косящими под античность колоннами, вылепленными в стенах, – и моя сестра Лизавета сияет от радости.

Лиза улыбается, потому что выходит замуж после стольких лет одиночества, чувства стыда перед чужой разбитой семьей, после рождения сына и попыток что-то решить, принимая людей на кушетке, спрашивая у них, «не хотят ли они об этом поговорить»... Моя сестра – психолог, и она выходит замуж. Самое время надеяться, что теперь она будет счастлива по-настоящему, на законных основаниях. Лизавета наивна, она придает слишком большое значение обряду проштамповывания паспортов, но кто я такая, чтобы портить ей этот день. Все девочки хотят замуж. Может быть, я не радуюсь за нее лишь потому, что сама до сих пор одна?

Я вздрогнула и посмотрела на Игоря, то есть на мужчину, с которым пришла сюда, который организовывал нам лимузины, который стоял теперь рядом со мной и держал меня за локоть. И тут я густо покраснела, словно испугалась, что Апрель мог подслушать мои мысли. Кто его знает, что еще умеют эти психотерапевты. Да как я могла даже подумать такое, пусть не вслух, а про себя?! Какая же я «одна», если вот он – мой Игорь, мой Апрель, и я не могу отвести от него глаз, испытываю какое-то животное удовольствие от его прикосновений, от того, как звучит его голос, как насмешливо приподнимается бровь, когда он слушает меня.

– Ты чего? Все нормально? Ты не устала? – тихо спрашивает он, наклоняясь ко мне. Игорь выше меня почти на голову, а ведь я вовсе не маленькая. Среднестатистическая.

– Нет, все нормально, – вру я. Моя спина – крючок, я сгибаюсь и разгибаюсь, пытаюсь найти удобную позу, а Игорь стоит спокойно, непринужденно оставаясь прямым. У него хорошая осанка, прекрасная форма, и я знаю, откуда она – Игорь плавает три или четыре раза в неделю, и так уже много лет. Он заботится о себе, а я... Можно ли считать пару месяцев хао-

тичного бега по бадминтонному корту спортивным образом жизни? Особенно если учесть, что после каждой тренировки я практически умираю.

– Давай, давай, врушка, у тебя нос вырастет, как у Буратино! Иди, обопрись вот на стену, а то ты скоро опадешь на пол, как осенняя листва, – хмыкнул Игорь и стрельнул своим фирменным взглядом Малдера. Я отошла к стеночке и попыталась сосредоточиться на происходящем, то есть на Лизаветиной свадьбе. Все выстроились полукругом и ждали, когда черная девушка начнет, но та все перебирала какие-то бумажки.

Я разозлилась. Интересно, откуда вообще в моей голове взялось это «до сих пор одна»? На редкость я «не одна», как никогда в жизни! Мы с Апрелем собираемся съезжаться, он предложил мне переехать к нему! Совсем я уже свихнулась в своем пессимизме? Нужно верить в лучшее, может быть, мы проживем вместе, а потом вообще поженимся! И уже я буду стоять тут, может быть, даже в этом же самом омерзительно розовом зале и в таком же белом платье, и буду чувствовать себя в нем полной дурой. А потом заживем мы долго и счастливо.

Почему я никогда не могу поверить ни во что хорошее? Откуда эти бесконечные дурные предчувствия? Я напряглась, закрыла глаза и попыталась представить себя в качестве невесты. И чтобы все те же люди пришли, и баба Нина, папина мама, и дядя Степа из Дмитрова, и его дочка Вера, с которой мы в свое время вместе на даче от гуся бегали, потому что он был клевучим. Я буду принимать поздравления от Машки Горобец, моей старейшей подруги, и вообще весь народ с работы.

И заиграла музыка – не в моей голове, а на самом деле. Торжественный марш Мендельсона привел меня в чувство, я открыла глаза, огляделась. Все подтянулись и смотрели на Лизавету и Сережу. Они шли по ковровой дорожке, разложенной прямо по центру розового зала. Лизаветин животик был почти незаметен – правильно она сделала, что отказалась переносить свадьбу на июль. Там бы уже все было слишком заметно. А вот жениться в мае – потом маяться всю жизнь.

Как будто люди из-за этого маяются.

– Сегодня самый важный день в вашей жизни. Сегодня в этих стенах сочетаются законным браком Елизавета Павловна Ромашина и Сергей Иванович Тушаков. Согласны ли вы, Елизавета Павловна...

– Да! – поспешно кивнула Лиза.

– Согласны ли вы, Сергей Иванович?

– Да, – спокойно, с достоинством ответил чертов Сережа. Чью фамилию я впервые услышала только сегодня. Значит, с этого момента моя сестра – Лизавета Тушакова. Что еще изменится в ее жизни? Ах да, у нее теперь семья. Семья. Такое странное слово, будто из какого-то иностранного словаря. У мамы с папой была семья. У тети Оли и дяди Димы – тоже, хоть он и «отщепенец от науки». Но мы с Лизой – другое дело. У нас обе ноги левые. Я не могу представить себя в белом платье, и от ощущения того, что я «совершенно одна», тоже избавиться не могу. И то, что мы с Игорем решили съехаться и жить вместе, пугает меня до чертиков. Вспоминается, как в «Иронии судьбы» Лукашин все боялся, что кто-то будет мелькать у него перед глазами туда-сюда. Я не верю в «долго и счастливо», я слишком хорошо знаю жизнь. Бывают, конечно, редкие исключения, такие, как мои мама и папа.

Игорь взял меня под руку и сжал мой локоть. Улыбнулся своей фирменной улыбкой Дэвида Духовны и склонил голову.

– Попробуй хотя бы изобразить улыбку, – прошептал он с нескрываемой иронией. – А то ты смотришь на них так, словно ждешь полицию, которая должна забрать Сережу в тюрьму.

– Не жду, но мечтаю, – прошептала я, надеясь, что настоящие мои мысли он прочитает не сумеет.

– Разве об этом надо мечтать?

– Ты знаешь, что восемь браков из десяти заканчиваются разводом? Восемь! Неплохая статистика.

– Сколько надежды в голосе. А про нас ты так же думаешь? – усмехнулся мой Апрель, обхватывая меня за талию.

– Про нас? Да что ты, конечно, нет. Я уверена, мы не дотянем до такого кошмара, как свадьба. Надеюсь, ты бросишь меня раньше.

– Надеешься? – подняв бровь спросил Игорь.

– Ну... делаю разумное предположение, – пожала плечами я. Тогда Игорь вздохнул так, как вздыхают, когда видят стену, разрисованную детским фломастером. Он притянул меня к себе и поцеловал – при всех, – заставив меня покраснеть еще больше. Никогда еще и никто не заявлял свои права на меня, да так «громко», на глазах у всех родственников – даже тех, что из Дмитрова.

– Это неприлично, – прошипела я.

– Совершенно неприлично. Ты против?

– Я не против, только представила, как буду переживать их сочувствие потом, когда ты меня бросишь. Меня же в нем утопят! Мне никогда не простят, что я тебя упустила.

– А ты все-таки совершенно точно планируешь меня упустить.

– Пфф! – фыркнула я, не совсем понимая, что имею в виду. Верочка смотрела на нас с Игорем в упор, яростно, даже зло, не скрывая простой и понятной мысли: «И что он в тебе нашел?»

Я вполне разделяла ее недоумение.

Почему так уверена, что он меня бросит? Да разве не этим все заканчивается – в восьми случаях из десяти? А Игорю уже тридцать три. Апрель красив, хорош в работе, умен и интересен. И один. Квартиру снимает. Аккуратен в быту. Раз уж он до сих пор один, с ним должно быть что-то не так. Почему бы ему меня и не бросить? Я сама себя с трудом выношу. Мне вообще приходится проводить с собой двадцать четыре часа в сутки. Хорошо еще, если удастся восемь из них проспять. А что делать, когда бессонница? Нет, причин расстаться на свете миллион. Остаться вместе куда меньше. Дети. Деньги. Лень.

Любовь.

– И как мне понимать твое «пфф»? И перестань оглядываться на двери, никто не придет и не скажет ту причину, по которой эти двое, – Игорь кивнул на мою сестру и Сережу, – не могут быть вместе.

– Но я же хочу, чтобы моя сестра была счастлива! А она вместо этого замуж выходит! – шипела я, глядя на то, как Лиза и Сережа расписываются в свидетельстве. Сережа оказался честным человеком, в конце концов. Он ушел от одной жены и обзавелся другой. Это был факт. Неумолимая вещь.

– Вышла, – прошипел мне обратно Апрель. – Все, это уже свершившееся действие.

– Подожди, их еще не объявили мужем и женой.

– Я всегда знал, что ты «оптимистка», – хмыкнул Игорь, – но чтобы до такой степени? Ждешь до последнего. Значит, в свадьбе сестры нет совсем никаких плюсов?

– Плюсы, конечно, наверное, есть. Но ведь если вдуматься, то плюс – это всего лишь два скрещенных минуса, – пожалала плечами я, провожая взглядом свою окольцованную сестру. Апрель посмотрел на меня одним из этих своих взглядов – когда он словно пытается раскодировать меня или понять, где у меня допущена системная ошибка, но затем только покачал головой и смахнул несуществующую складку на своем светло-сером дорогом костюме.

– Идем, Фаина, тебе надо набраться мужества и поздравить сестру, – сказал он. Я покорно кивнула. Вообще-то я по жизни человек довольно терпеливый. Наверное, потому, что когда не ждешь ничего особенно хорошего, то и удивить тебя чем-то довольно сложно. Видеть вещи такими, какие они есть, – вот самая большая загадка, вот недостижимый идеал и Рубикон человечества. Знать что-то наверняка почти невозможно. Я знаю наверняка очень мало вещей. Но всегда пыталась искать наиболее правильный ответ на любой вопрос – меня так учил отец, так учили в физтехе, и так научила жизнь. Самообман хорош, как блины со сгущенкой, но когда речь идет о принятии стратегически важных решений, лучше быть уверенной в их правильности хотя бы на восемьдесят процентов.

К примеру, я знаю наверняка – ни на ком другом костюмы не сидят так очумело хорошо, как на моем бойфренде. Странное, забавное слово – «бойфренд». В моем сознании оно рифмуется с бой-бабой. Игорь Вячеславович Апрель для бойфренда был слишком серьезным, солидным, высоким, красивым и непринужденным, со слишком ироничным взглядом умных зеленых глаз. Для бойфренда он слишком хорошо знал людей, слишком хорошо знал меня. Лучше, чем я сама себя.

В нем было очень много этого «слишком», и главное из них – он был «слишком хорош» для меня. Все это читалось не только в глазах Верочки, дочери дяди Степы из Дмитрова, – в глазах всех наших родственников, когда они смотрели на меня и на Апреля – мужчину с обложки журнала, лениво стоящего рядом со мной и поддерживающего меня за локоть. Это было хорошо видно в одобрительных улыбках бабушек Зины и Нины. Ничего себе наша Файка отхватила себе мужика! Что-то тут не так. Такого просто не может быть. Может, он из этих... ну, не к столу будет сказано... которые эти... которых вроде опять запретили...

– Господи, ты правда к нему переезжаешь! – то ли спросила, то ли просто с возмущением воскликнула Верочка, когда на банкете выпила достаточно вина и смогла опустить приличия. Чтобы задать этот вопрос, она специально пересела ко мне и дождалась момента, когда Игорь пригласил мою маму потанцевать.

– Я не господи, но все равно спасибо.

– Нет, ты скажи. Это что, серьезно? Или ты ему заплатила в службе эскорта?

– О, я столько не зарабатываю, – рассмеялась я, и Верка надулась еще больше.

– Так переезжаешь? – снова спросила она.

– Ну, пока не знаю, все раздумываю. Считаешь, стоит переехать? – спросила я, скорее просто чтобы подразнить двоюродную сестру. Но та посмотрела на меня, как на свихнувшуюся.

– Ты еще думаешь? Ты, а не он? – спросила она, яростно натывая на вилку баклажановые рулетки с сыром. Я ее понимала, она бы на моем месте уже сидела бы в машине Малдера – со всем своим барахлом и сыном Лешкой шести лет. Вере не очень повезло в жизни, и хотя в ее манере держаться, а больше в выборе одежды и аксессуаров еще сквозила любовь к хипповскому образу жизни и Грушинским фестивалям, в ее движениях уже появилась определенная истеричная резкость, свойственная женщинам, на которых навалилось слишком многое. В ее волнистые волосы все еще была вплетена какая-то самодельная фенечка, но она то и дело взвизгивала, делая замечания Лешке. В позапрошлом году Вере исполнилось тридцать, но она никого не приглашала, сказала, что уедет праздновать в Египет, но поговаривали, что просто не хотела тратить деньги. Это я, кстати, могла понять.

– Ой, Файка, это тебя твой отец испортил, приучил слишком много думать. А это делать женщине вредно, – и тут Вера отвернулась и замолчала, а затем выпрямилась и тряхнула фенечкой в волосах. Я проследила за ее взглядом. Игорь усаживал мою маму на место, и Верочка смотрела на него так задумчиво и напряженно, как цыган на коня в чужой конюшне. Вот еще то, с чем мне предстоит иметь дело – с женщинами, которые будут биться в истерике при одном только виде моего мужчины. Если что-то может случиться, оно обязательно произойдет, а это значит, что, даже если я перееду к Апрелью, выйду за него замуж и нарожаю ему детей, когда-нибудь кто-нибудь моего Малдера обязательно у меня уведет и мое сердце будет не просто разбито – оно будет растоптано и стерто в порошок, как перец для специй.

Так стоит ли рисковать, если целая теория вероятностей говорит мне, что надежды нет?

– Не хочешь потанцевать? – спросил меня Апрель, вернувшись от мамы. Уж не знаю, как ему удалось вывернуться из ее цепких лапок. – Сейчас будет белый танец, дамы приглашают кавалеров, но ведь от тебя не дождешься, так что приходится все делать самому.

И он улыбнулся загадочной улыбкой Джоконды. Я протянула ему руку и встала. Плевать на все. Главное, что сегодня он рядом. А то, что Верочка пытается испепелить меня взглядом, – с этим я буду разбираться потом. Сегодня я гуляю. Лизавета ругается с Сережей в предбаннике ресторана, мама их успокаивает, а Вовка, сын Лизы, уже сговорился с Веркиным Алешкой, и они вместе потихоньку таскают со стола бутерброды с икрой, на которую у обоих может быть аллергия. Жизнь прекрасна, пока человек, по которому я схожу с ума, обнимает меня и неуклюже переставляет ноги по полу под песню Барбры Стрейзанд «Женщина в любви».

– А я думала, ты танцуешь лучше, – рассмеялась я, когда Малдер снова наступил мне на ногу.

– Ты сбиваешь меня с ритма. Вот с твоей мамой у нас все получалось.

– Значит, это я виновата?

– Конечно! – возмутился Игорь и тут же улыбнулся. – Ты же знаешь, женщины виноваты всегда и во всем. Это аксиома.

Тут я уже вполне специально наступила на ногу ему. В честь праздничка. Сережа вернулся в зал красный и злой. Он огляделся, вычислил опытным взглядом нашего самого пьющего родственника – дядю Степана из Дмитрова, подошел к нему и предложил «пропустить по рюмашке». Я покачала головой и сказала Игорю, что если кому сегодня и придется бегать за пьяным Сережей, то чур это буду не я.

– Бегать полезно, – хмыкнул Игорь и поцеловал меня в нос. В этот момент дядя Степан, совершенно уже вжившийся в образ тамады, объявил в микрофон на весь банкетный зал, что момент, ради которого мы все тут сегодня собрались, наконец настал.

– О чем это он? – нахмурилась я. – Ведь Лизавета уже при муже, или я что-то пропустила?

– Подходим, подходим, – руководил стайкой родственников пьяненький дядя Степан.

– Не дай бог сейчас начнет в ручеек играть, – вдруг неожиданно осенило меня. В ручеек играть дядя Степа любил, но не в обычный, а в такой, где проскакивать надо между широко расставленных ног гостей, желательно женского полу. То, что он сейчас делал, выстраивая всех женщин в очередь, очень напоминало подготовку, и я потихоньку отошла к стенке, надеясь слиться с ней. Никаких больше ручейков, только не я.

– Фая, иди к нам! Пропустите ее! – закричала вдруг почему-то моя сестрица, и я невольно подалась вперед на ее голос. Раньше, чем до меня дошло, в чем дело – а страх попадания в ручеек мешал мне думать, – я подошла чуть ближе. Лизавета стояла растрепанная, с немного

сбившейся вправо фатой, с большим букетом в руках. Только тут до меня дошло, что сейчас мы все будем прыгать и пытаться поймать Лизаветину эстафету официального брака – ее немного завядший букет.

– Ну, девушки, приготовьтесь! – закричал в микрофон дядя Степа. Интересно, что среди «девушек» каким-то боком оказалась и моя мама, и вполне замужняя тетя Оля, и даже бабушка Нина. Лизавета развернулась к нам спиной, чуть присела, как если бы хотела подпрыгнуть повыше, а затем, используя всю силу своего пресса, швырнула букет. Он полетел над толпой, тяжелый, шипованный – траектория вполне понятная, криволинейная, непоследовательная, с резко взятой верхней точкой и хорошей скоростью, но с неминуемо резкой потерей высоты. «Девушки» ахнули, а Верочка аж подпрыгнула, пытаясь подцепить пролетающий мимо букет, но он пронесся над ней, как фанера над Парижем. Букет летел прямо в меня.

Что я могу сказать? Рефлексы – штука такая, произвольная, управляемая по большей части периферической нервной системой. У разных людей и рефлексы разные, и срабатывают они неодинаково. Кто-то, может, и успеет сообразить и подхватить букет. А я, во-первых, в приметы/обряды не верю, во-вторых, замуж не то чтобы не хочу – боюсь до обморока. Потому что все хорошее, что есть между мною и моим роскошным, захватывающим дух Малдером, замужеством можно уничтожить. А потерять мое чудесное видение в светло-сером, с иголочки, костюме я была не готова. Если уж он меня и бросит, то потом, не сейчас. Если Игорь увидит меня с букетом, то сбежит прямо из зала.

Отчего при виде летящего на меня букета я ловко пригнулась – сказались все же бадминтонные тренировки, – и букет просвистел над моей головой, как средневековый свинцовый огненный шар. Просвистел и впечатался прямо в грудь Игорю Вячеславовичу Апрелю. Тот дернулся, неловко подпрыгнул – точь-в-точь как кот, на которого вдруг неожиданно подули из пылесоса, затем он начал перебрасывать букет из одной руки в другую, словно тот был обжигающе горяч – как картошка из печки. Мы стояли и смотрели, загипнотизированные этим зрелищем, и каждая из нас наверняка думала об одном и том же – уронит или нет, уронит или не уронит. Не уронил.

– Черт, что это было? – спросил мой Малдер, когда перестал наконец танцевать, как шаман из племени вуду.

– Ты выйдешь замуж, дорогой, – ухмыльнулась я, а Малдер растерянно протянул мне букет.

Глава 2

Каждый день приносит что-то хорошее... но крайне редко мне

Пустой стакан – наполовину пессимист. Верьте предчувствиям, особенно дурным, они имеют неприятное свойство сбываться. Моя жизнь стала слишком прекрасной, чтобы я могла позволить себе расслабиться и успокоиться. Что-то происходило, где-то готовилась буря – просто ради земного равновесия, как когда слишком уж безмятежный штиль превращает океанскую воду в зеркало, где-то внизу, в самой глубине океана, уже может нарастать мощь будущего цунами.

Штиль. Итак, у меня есть мужчина, и я к нему практически уже переехала. Вещи в коробках стоят в коридоре. Моя вторично беременная сестра вышла замуж, и даже за того же самого мужчину, от которого родила в свое время моего племянника Вовку, так что чисто технически теперь у всех ее ныне существующих, запроектированных и потенциальных будущих детей будет отец. Позитив? В том-то и дело. Моя сестра даже получила от нас с мамой в подарок некое подобие медового месяца – путевку в санаторий «Ручей» на Истре на все майские праздники, на десять дней. Она не позвонила мне оттуда с криками о том, что замужество было ошибкой, а я, признаться, ждала. Но нет, все было чинно-благородно. Сестра оздоравлилась в санатории, Вовка – с нами на даче. Мы забрали его на все майские, а Игорь звонил мне по вечерам, и мы болтали, как подростки в разлуке. В какой-то момент Апрель даже предложил забрать меня оттуда, и я чуть было не согласилась. Осталась только потому, что мама чуть не каждый вечер вздыхала и говорила, что теперь, когда и я вот-вот от нее уеду, ей и жить-то будет незачем.

– Может, мне тогда все-таки остаться с тобой? Ну куда я перееду? Я с тобой всю же жизнь прожила! – спросила я как-то вечерком, наслаждаясь таким долгожданным теплом. Девять долгих месяцев льда, снега и грязной воды, и вот даже в сумерках мое лицо не замерзает, ветер теплый и ласковый. Штиль.

– Ты что же думаешь, я хочу этого? И потом, двадцать семь лет – не вся жизнь. Твое счастье важнее! – ответила мама, а ее поза и жесты рук говорили, что она приносит себя в жертву своим любимым дочерям и что покойный наш отец сейчас гордился бы ее самоотречением и благородством. Но еле заметная, запрятанная хитринка в мамином взгляде говорила об обратном, о том, что она спит и видит, как бы ей избавиться от меня. Я вдруг вспомнила, как мы с Лизаветой, еще будучи подростками, все ждали, чтобы родители «свалили» куда-нибудь и оставили нам квартиру в полное наше девичье распоряжение.

– Ах, мое счастье! – ухмыльнулась я, а про себя вздохнула. Все было так хорошо, что очень плохо. Я представила, каково это – падать с таких облаков и каким должен показаться мир после того, как слетят мои очки с розовыми стеклами.

Мы решили, что я окончательно перееду к Игорю сразу после праздников, хотя его квартира уже была радиоактивно заражена моим присутствием – зубной щеткой, тапками, книжками, зарядными устройствами, которые торчали из розеток, как притаившиеся в уголках змеи. Я ни на чем не настаивала, не хотела торопить события, потому что одно дело – приходить в квартиру к моему Малдеру, где уже разогрет глинтвейн и нарезан сыр, а постель застелена свежим бельем, и совершенно другое – умыться перед работой в одной и той же ванной комнате. Это только Мила Йовович в ее фильмах, просыпаясь, смотрится невинной королевой, прекрасной в своей растрепанности и заспанности. Я, как и большинство смертных, просыпаясь, похожа на черта. И это моему несчастному Малдеру теперь предстояло видеть каждое утро?

А ведь еще все мои вещи! Я должна была собрать их все и окончательно уничтожить ухоженную, идеально чистую, даже стерильную квартиру, где ничего не жило, кроме мертвого деревца в камнях. Апрель жил так, что у каждого предмета было свое место, и все его вещи были нужными и на своих местах. Я же заполняла собой любые пустоты, закатывалась в ящики так, что все торчало и выглядывало, и ящики переставали закрываться до конца, а всякие носовые платки или «убитые» перьевые воланчики выпадали на пол, когда этого меньше всего ждешь. Я была хаосом, который Игорь добровольно пригласил к себе в дом, и это было только вопросом времени, когда он заметит разрушительные следы моего присутствия в его жизни. Пока ему все это казалось милым разнообразием. Он так и говорил:

– Ты вносишь такое милое разнообразие в скучное течение моей жизни! – и нес свой светло-серый костюм в прачечную в надежде, что следы от кофе все-таки смогут вывести. Эпичный финал первого же дня моего официального проживания в его квартире. Я пролила кофе на его костюм, а ведь мне даже нельзя кофе на ночь пить, я ведь потом не буду спать. Милое разнообразие. В новом доме я забыла все свои привычки, забыла, что люблю делать, а что нет. Я сидела в кресле, боялась пошевелиться, смотрела какую-то странную передачу про многодетную семью с восемью детьми. Реалити-шоу, в котором главной интригой оставался вопрос: «На черта им столько детей?» Игорь работал за столом за своим ноутбуком. Я больше смотрела на него, чем на многодетную семью, собирающую с пола кашу, которую туда налили два младших ребенка. Игорь не замечал... какое-то время. Он был сосредоточен, его немного усталое лицо было подсвечено холодным экранным светом, взгляд медленно скользил по строкам невидимого мне текста. Я знала, что завтра понедельник и что у Апреля семинар с самого утра, что на его занятие по психологии лидерства записалось какое-то рекордное количество участников – чуть ли не весь наш холдинг. Но это никак не нервировало моего Малдера: он был спокоен и уверен в себе. Я не понимала, как он делает это. Как не боится – все же бояться. Проиграть, быть уволенными, того, что их разлюбят и бросят, того, что разлюбят они. В конце концов, вся эта буря в моей крови, это цунами, которое я испытываю каждый раз, когда просто смотрю на это спокойное лицо, когда провожу ладонью по шершавой щеке, – вся эта биохимия вне моего контроля, я буквально ничего не могу с собой поделать. Мои гормоны, мое подсознание, вся я в целом, как личность и как биологический организм, на клеточном уровне хотела его. И от этого ощущения полной своей беспомощности хотелось визжать. А Игорь Вячеславович – мой Апрель – спокойно готовился к семинару. Это было, пожалуй, самым большим его преимуществом. Я хотела бы спросить Игоря об этом, но вместо этого молча сидела и смотрела на него. Штиль.

Утром мы поехали на работу на его вишневом «Опеле» – вместе в первый раз. Мы жили вместе, работали на одну и ту же корпорацию, геенну огненную, нефтяную, и охранник, дородный мужчина, которого я звала Джонни, так как его реальное имя было Сережа, многозначительно ухмыльнулся, заметив меня на пассажирском сиденье.

– Значит, не соврали? Переехали? Прямо взаправду? – спросил меня Джонни, специально покинув для этого будку охраны. – Фаина, а как же принципы? Феминистки всего мира рыдают.

– От счастья, что сплывили меня? – поинтересовалась я. – Ответь мне, Джонни, на два вопроса, только по возможности честно. Первый вопрос: с чего ты взял, что я хоть какое-то отношение имею к феминисткам?

– Ну... ты ж всегда одна, всегда в себе.

– Это делает меня замкнутым синим чулком, разве нет? – ответила я, краем глаза заметив, как откровенно наслаждается этим разговором мой новоявленный... кто, кстати? Бойфренд? Я уже давно решила, что это слово никак не применимо к Апрелю. Он не «бой», и

уж точно не френд. То, что он делал со мной по ночам – друзья так не поступают... и славно. Муж? Нет-нет-нет, не стоит даже и начинать думать в этом направлении. Трудно предсказать, какое количество неврозов и разного беспокойства я себе обеспечу, если всерьез задумаюсь над своим будущим. Гражданский муж? Сожитель? Звучит как часть криминальной хроники. Слова, за которыми обязательно должны звучать другие, такие как «ножевое ранение», «домашнее насилие» и почему-то «настойка боярышника». В общем, статус не определен.

– Синим чулком? Ну да. А феминистки кто?

– Феминистки – это, в целом и скомканно, те, кто борется за права женщин работать. Я же всю жизнь боролась только за право поспать.

– Да? – опешил Джонни.

– В каком-то смысле я тебе по-доброму завидую. Я бы тоже хотела разгадывать кроссворды.

– Серьезно? – не сдержался и переспросил меня Игорь с соседнего сиденья.

– Я люблю шарады, – кивнула я. – А программировать надоело. Тем более что ничего ведь не дают довести до ума. Может быть, если бы я работала в «Майкрософт», тогда...

– А второй-то вопрос, а? – вдруг вспомнил Джонни, заметив, что к проходной поворачивает следующая машина.

– Второй вопрос, Джонни: кто тебе донес, что я переехала? Машка Горобец? Кто-то еще?

– Не могу сказать, – насупился Джонни.

– Конфиденциальная информация? – ухмыльнулся Малдер, проезжая внутрь, на территорию нашей «садомазонефтегазовой» богадельни, более известной в нашем скромном мире как «Муравейник».

– Людям свойственно ошибаться, ты знал об этом? Может, Игорь Вячеславович просто любезно согласился подвезти меня? Может, у меня нога болит после бадминтона?

– Так ты не переехала, что ли? – разочарованно протянул Джонни. Я только загадочно улыбнулась и проследила за ним победным взглядом. Джонни возвращался на свой пост, чтобы следить за потоками машин, людей с постоянными электронными пропусками, посетителей, которым нужно было оформить временные, и курьеров, доставлявших почту и море рекламы – этих нужно было гнать в три шеи. Утро – самая напряженная часть дня для охраны, ибо выпустить кого-то куда хлопотнее, чем выпустить.

Все еще улыбаясь, я повернулась к Малдеру (статус не определен), чтобы еще разок возмутиться относительно того, как быстро разлетаются сплетни в «Муравейнике», но наткнулась на холодный, о-о-очень спокойный взгляд.

– Что? – тут же спросила я, испугавшись, что запоздалое осознание стоимости залитого кофе костюма все же накрыло Апреля.

– Ничего, – процедил он, отчего вызвал во мне еще большее беспокойство. Уже на клеточном уровне. Хотя я и не эксперт в человеческих взаимоотношениях, я больше по компьютерам, по циферкам и кодам разным, но если кто-то говорит мне, что «ничего не случилось», а сам смотрит таким взглядом, я сразу понимаю, что все очень даже «чего».

– Нет, ну правда, что такое?

– НИЧЕГО! – гаркнул Игорь. Я задумалась, и тут до меня вдруг дошло.

– Ты не хотел, чтобы нас видели вместе?! Я не подумала о Джонни. Надо было выйти еще на повороте, я бы прошла просто по пропуску, и все. Теперь, конечно, Джонни разнесет новость по всем корпусам. Вирусная рассылка.

– Слушай, а почему он Джонни, в самом деле? – спросил Игорь так зло, словно выяснял, куда я дела всю его зарплату. – Почему ты так его зовешь, ты ведь мне так и не рассказала?

И с этими словами он вышел из машины, хлопнув дверью так, словно хотел снести ее с петель. Игорь злился, но я не могла понять на что. Я посеменила за ним.

– Ну... в честь одной песни... Даже не знаю. Я не люблю имя Сережа.

– Мне пора, – пробормотал Игорь, словно вовсе не слушал меня. Он направился к дверям «Биг-Бена», корпуса, в котором работал. Его кабинет располагался на двадцать третьем этаже, и у него был умопомрачительный вид на город. У меня на двадцать шестом, в соседнем здании под «кодовым» названием «Поехавшая башня», не было ничего, кроме проводов и запыленного ковролина.

– Эй... пока! – неуверенно прокричала я вслед своему мужчине с неопределенным статусом, но он шел так быстро, что почти бежал, и вряд ли меня услышал. А я осталась стоять на месте, ошеломленная произошедшим на клеточном уровне. Непредсказуемость и независимость – не такие уж маленькие недостатки. Черт его знает, что у него в голове и что его разозлило! Я пошла в сторону «Башни», вместе со мной покорно, как на плаху, шли другие сотрудники холдинга. Менеджеры среднего звена, для которых праздник был окончен. Я настроилась на рабочий лад, прижала локти и почесала на работу, словно сваи заколачивала... когда Апрель вдруг развернулся и в три шага вернулся ко мне. Он взял меня за руку, развернул и посмотрел мне в глаза так серьезно, словно я была больна.

– Вот объясни, почему твои прогнозы всегда негативные? Ведь ты же умная женщина, училась в физтехе, со статистикой знакома не понаслышке, про котов мне все время говоришь, которые в коробках, но почему они у тебя всегда мертвые? Ни одного живого кота Шрёдингера! Ни единого!

– Я не понимаю, – растерялась я. – Коты Шрёдингера-то тут при чем?

– Потому что знаешь, что я иногда чувствую? Что этот кот – я! – рывкнул вдруг Игорь. – И это я в коробке, а ты просто ставишь на мне мысленно эксперимент. Думаешь, мне легко? Я ведь тоже не знаю, мертв я или жив.

Здесь стоит отступить немного и сказать, что еще на заре нашего, так сказать, случайного и необъяснимого романа мы любили вести романтические беседы о квантовой механике, в частности о том, что ничто в этом мире не может быть просчитано заранее на сто процентов, что львиная доля событий в нашем мире – это мысленные коты в коробках, которые могут быть одновременно и живы, и мертвы, и живы/мертвы одновременно. Мы говорили о котках, но подразумевали каждый раз что-то другое и так заплутали в квантовой механике, что теперь я смотрела на Игоря, словно он говорил на турецком.

– Да о чем ты, Игорь?

– Не понимаешь? – язвительно переспросил он и всплеснул руками. – Она не понимает! А ты у сестры своей спроси. Она наверняка поняла бы. Ладно, у меня нет времени сейчас, мне нужно идти к людям, которые хотят преуспеть в жизни. Понимаешь, а? Большинство хочет преуспеть, стать счастливыми, жить вместе с любимыми, а ты – нет. Ты ждешь, когда же «шарахнет». Твоя главная цель, чтобы как бы чего случайно не вышло. Чтобы, когда случится глобальный конец света, хотя бы не оказаться в эпицентре. Вот и все, что ты ищешь от жизни.

– Я что-то не так сделала? – гадала я, интуитивно чувствуя, что между нами происходит первая «семейная» разборка. Странная, но чему удивляться. С кем поведешься. – Или что-то не так сказала?

– Да ничего ты не сделала. И определенно ничего не сказала. Никому. Стесняешься, да?

– Это все из-за кофе, да? – предположила я, и тут уж Малдер застыл в немом изумлении, явно пытаясь понять, о каком кофе я говорю. Затем он потрянул головой так, словно пытаясь сбросить любые сомнения, а потом совсем неожиданно взял меня одной рукой за затылок, притянул к себе и поцеловал.

Он поцеловал меня. При всех. Во дворе «Муравейника».

Я оказалась совершенно не готова к такому повороту. Я задохнулась, испугалась, у меня подкосились ноги, но одновременно мне захотелось, чтобы это никогда не заканчивалось. И еще... Провалиться сквозь землю, желательно, вместе с Апрелем. Вдруг кто увидит? Конечно же, увидят, причем все. Но это не важно, потому что его горячие губы уже захватили меня. Игорь зажал мою нижнюю губу между своими, затем завладел обеими – грубо, даже чуть больно, но от этого было только хорошо. Я закрыла глаза и подумала – пошло все к черту. Это вам не просто так, не какой-то там жалкий «чмок» на прощание и не дежурный клевок уставшего от семейной жизни супруга. Настоящий «противозаконный» поцелуй, совершенно точно запрещенный на территории предприятия. Долгий, влажный поцелуй «с языком». Еще секунда, и я бы предложила Игорю «забить» на его дурацкий мотивационный семинар и запереться в его кабинете на двадцать третьем этаже – с шикарным видом на город и морем живых цветов в горшках. Но все кончилось так же неожиданно, как и началось.

Когда я открыла глаза, Игорь уже стоял как всегда спокойный и невозмутимый, словно вовсе и не целовался со мной только что прямо на парковке холдинга. Он смотрел на меня с интересом, словно пытаюсь подобрать ко мне ключ.

– Ну, скажи мне что-нибудь, – предложил он.

– Чего сказать-то? – пробормотала я, чувствуя восхитительную неподатливость зацелованных губ.

– Не знаю. Что хочешь. Пожелай хорошего дня, например, – предложил он, поправляя мне волосы.

– Хорошего дня, – механически повторила я, краснея от каждого его прикосновения. – Ах да, удачного семинара. Чтобы у всех там... лидерские качества проклюнулись.

– Все? Больше тебе нечего сказать? – уточнил Игорь не слишком дружелюбным тоном. Я растерянно кивнула. Тогда Малдер развернулся и ушел в здание, так и оставив меня раздумывать над тем, что только что произошло. Вот почему к мужчинам не прилагается инструкция, чтобы понимать, когда у них идет системный сбой?

Думать долго у меня не получилось. Стоило только Малдеру исчезнуть за автоматическими стеклянными дверями, как ко мне подскочил, как черт из табакерки, Витя Постников, мой старый... как бы лучше сказать кто? Не друг, но и не враг, не коллега, но и не просто знакомый. Раньше я бы сказала, что Витя Постников, с его понтами, персональным водителем и манией в вопросах карьеры, мой однозначный недруг. Но сейчас я была старше, а значит, мудрее – примерно на месяц, но мудрее. И знала, что Витя Постников все-таки не чистое зло. Чистым злом был мой старый босс Крендель. А Постников был таким, каким его создал Бог.

– Ничего себе, Файка! Прямо шоу ХХХ, а? Значит, не врут таблоиды? И тебя подобрали добрые люди?

– Подбирают бычки в подъездах, – разозлилась я. Прямолинейный, как кишечник плоского червя, Витя Постников хоть и не был чистым злом, а общаться с ним все равно не хотелось.

– Точно. Слушай, я только одного не понимаю, что он в тебе нашел? – спросил Постников. Я и сама не понимала этого, но не говорить же об этом Постникову.

– Ну... красоту мою неземную, – прошипела я, ускоряясь с каждым шагом. К сожалению, наши с Витей Постниковым офисы располагались в одной и той же части холдинга – в «Башне», так что он преспокойно пошел со мной.

– Нет, это вряд ли, – заметил он. – Может, ты что-то такое умеешь делать?

– О чем ты? – нахмурилась я. Витя осклабился и, дождавшись, чтобы двери лифта закрылись, уточнил:

– Ну, может, ты в постели... не знаю, сальто-мортале делаешь. На шпагат садишься? Хотя тоже вряд ли.

– Ты что, по роже хочешь схлопотать? – взорвалась я. – Да я сейчас на тебя заяву накатаю. Это уж ни в какие ворота.

– Не докажешь, – пожал плечами Постников.

– Забыл, что у нас лифты под видеосъемкой?

– Но не под аудио, – ухмыльнулся он. Мы оба были тертые калачи, но тут Витя был прав. Видео в лифте было без звука. Какая жалость. Постников внимательно считал мое выражение и довольно улыбнулся. – Ладно тебе, Фаина, не обижайся. Я ж так, любя. Ты, если уж на то пошло, не совсем потерянный для общества кадр. Ты борщ хоть варить умеешь? Хотя... этот твой щеголь борщ есть не станет. Нет, все-таки что ж такое в тебе, а? Мостик?

– Ты приехал! – прошипела я, еле сдерживаясь, чтобы на него не наброситься. Я знала, что если я не сдюжу, то уже не я, а сам Постников побежит катать на меня заяву. Избиение Постникова – по такой статье меня уволят? В принципе, это того бы стоило.

– Слушай, а у вас нового босса-то назначили? Вместо Кренделева?

– Не твое дело, – сказала я, с наслаждением проследив за тем, как противное лицо Постникова скрывается за закрывающимися дверями лифта. Вопрос о новом боссе нас всех волновал – весь наш отдел IT и информационной безопасности. Как я уже сказала, старый ушел при обстоятельствах весьма щекотливых. Вообще-то он был совсем не старый. Наоборот, Крендель был молодым, широкоплечим, красивым – не мужчина, а мечта. Он на протяжении года, пользуясь своим служебным положением, воровал деньги нашего холдинга, а потом, когда пошли проверки и запахло жареным, сделал так, чтобы в кражах обвинили его ни в чем не повинного заместителя, моего действительно хорошего друга и вообще приятного во всех отношениях парня, Сашу Гусева. Того чуть не уволили, а Крендель все это время притворялся, что всеми силами пытается нам помочь. Только чудом удалось вычислить его схему и отстоять Сашку. С тех пор все мы оставались как бы сами по себе, без босса. Формально после того, как Сашу восстановили в должности, именно он выполнял руководящие функции, и все надеялись, что его и назначат.

Когда я вышла на своем двадцать шестом этаже, то сразу почувствовала: что-то не так. И дурные предчувствия усилились, когда я обратила внимание, что весь наш программистский народец работает за своими компьютерами с такой яростной сосредоточенностью и концентрацией, словно за каждым из них сквозь матрицу наблюдает весь совет директоров нашего холдинга сразу. Оказалось, Сашу Гусева к нам в начальники не поставили. Мало того, случилось кое-что похуже. В точности по закону мистера Мёрфи.

Глава 3

Все люди одинаково важны для вселенной, хотя... кто ее спрашивал-то?

С лихим, придурковатым видом... Так хотел видеть своих сотрудников Петр Первый и даже издал соответствующий указ. Я с другим видом и не появляюсь. Работа. Восемь часов моей жизни, каждый день, кроме выходных и праздников, плюс время на дорогу, плюс обед, плюс отпуск. Плюс переработки, за которые нам никто не платил, и посиделки, которые были строго запрещены и карались, но практиковались все равно. Плюс бессонница, ноющая шея, красные от постоянной компьютерной работы глаза. И зачем? В чем смысл? Раньше такие вопросы не мучили меня, ибо все они крайне опасны для начала трудового дня. Но после такого поцелуя я не могла не задаваться вопросом: какую часть моего бессмысленного, но крайне для меня ценного времени моей жизни я трачу на всю эту ерунду вместо того, чтобы целоваться весь день напролет? Да я же практически живу на работе, и таких, как я, – полный «Муравейник», прямо настоящая армия муравьев, тысячи трудолюбивых насекомых, и все бегут, насупившись, тащат каждый свой прутик или щепочку, понятия не имея, к чему это и зачем. Но, что интересно, все преисполнены чувством неосознанной важности своей работы. Иллюзия бесполезности бытия.

Иллюзии, как и предчувствия, основываются на бессознательной работе мозга у тех, у кого он, конечно, есть. Главная задача иллюзий – защитить хилую, уязвимую психику индивидуума от какого-нибудь удара или опасности. Например, мою лично хилую и уязвимую психику. Иллюзия того, что я люблю свою работу.

– Ты чего крадешься? Ты где была? – прошипел главный представитель нашей офисной техподдержки, сладкоголосый толстяк Жора, когда я, как кошка, пробиралась мимо его стола. – Уже десять минут десятого!

– Господи, кошмар-то какой! – всплеснула руками я. – Сколько, говоришь, минут? Десять? Преступление века, вызывай полицию. А вообще не надо, я вот сейчас до рабочего места дойду и сама повешусь, раз такое дело. От мук совести.

– Ерничает? Все стрекозишь? Лето красное пропеть не боишься? С голой задницей остаться? – спросил Жора, а затем посмотрел на меня так, словно попытался вдруг визуализировать только что предложенный им образ, то есть представить меня с голой задницей. Я возмутилась и дала ему подзатыльник.

– На жену свою смотри, – предложила я, и Жора моментально утратил интерес ко всему окружающему. Такова была его нормальная реакция на слово «жена». Он потянулся за конфетой, но оказалось, что конфет на столе нет. На Жорином пухлом лице отразились одновременно удивление и разочарование. Обычно на его столе проживало очень много еды, а сейчас почти ничего не осталось: только жалкие следы былой роскоши – обертки от конфет да пустые «ракушки» из-под фисташек.

– Что, все слопал? – хмыкнула я, заметив, что Жора одет куда лучше обычного – на нем не пожеванная футболка, а рубашка, а еще потертый светло-коричневый пиджак с кожаными локтями (откуда, интересно, он его взял?). – А я-то думала, что это невозможно. С твоими запасами можно было бы апокалипсис пережить.

– Ну и что? Да, я люблю поесть, – пожал плечами Жорик. – Люблю, умею, практикую. Ты, Ромашка, не понимаешь, потому что ты – старый холостяк.

– Надеюсь, слово «старый» ты употребил в переносном смысле? – возмутилась я.

– Ну-у... ежели ты настаиваешь, – протянул Жорик, чуть не схлопотав от меня второй подзатыльник. – Однако в каком-то смысле для меня, как человека женатого, в соответствии с пирамидой Маслоу еда теперь составляет и смысл, и одновременно цель существования...

– В соответствии с пирамидой тогда ты к рождению внуков лопнешь, – добавила я, но была проигнорирована.

– ... ибо к остальному я отношусь с равнодушием улитки, – невозмутимо продолжал Жорик. – Ты когда-нибудь наблюдала за улиткой, Ромаша? Ты хоть представляешь, каково это, когда у тебя на спине целый дом и нет никакой возможности его отстегнуть хотя бы на ночь? Хотя бы на часок, на минуточку.

– Я знаю, Жора, знаю, – кивнула я, присаживаясь к нему на стол. – Ты – отец-герой.

– Нет, Ромашка, я не герой, просто честный человек, что, по сути, почти синоним глупца, – грустно обронил Жора и совсем уж по «дядюшка Поджеровски» сложил ручки на животике поверх своего пиджака «с локтями». – А честные люди что делают?

– Добрые дела! – предложила вариант я.

– Нет, Ромашка, нет. Детей они делают. Бездумно, без расчета и без противозачаточных средств.

– Знаешь, так детей кто только не делает, – возразила я, и Жора кивнул.

– Делают все, но честные люди после того, как детей сделают, тут же принимаются жениться. Вот. Казалось бы, ну, какая связь?!

– Ну да, ну да. Вот и у моей сестры теперь муж есть. В паспорте как минимум.

– Серьезно? – оживился Жорик, как будто каждый раз, когда кто-либо новый женился, это снимало часть ноши с его персональных округлых и слегка сгорбленных плеч.

– Если откровенно, то наш Сережа переехал из одного паспорта в другой. Мы уже и не ждали. Сейчас вот медовый месяц в пансионате. Может, мне тоже нужно просто залететь? – потянулась я и усмехнулась тому, с каким ужасом на меня посмотрел техподдерживатель нашего хаоса. – Ладно, честный человек, обещаю просто так не залетать. Ну а еда-то твоя где? Неужели и правда ты все съел?

– Ничего я не съел, все выбросил, – поделился бедой Жорик.

– Ты? Но как? – неподдельно изумилась я.

– Пришлось!

– Нет, это неправильно, невозможно. И даже конфеты? К тебе же все шли в тяжелый момент за помощью и за сладким. К кому ж теперь?

– Да хоть к Малдеру твоему на психотерапию, – ошетинился он.

– Нет, Жора, ты как хочешь, а конфеты верни, – я склонилась и прошлепала дырколом пару каких-то таблиц. – Мне Малдер самой нужен.

– А что это, он просто так зарплату получает?

– У него и без нас тренинги, мотивация, лидерство. Не хватало ему еще неудачников конфетами кормить. Нет, ты уж, пожалуйста...

– Ш-ш-ш... – неожиданно поведение Жорика изменилось: он весь вытянулся, расправил плечи и свел брови, одновременно напрягая все мышцы лица сразу.

– Ты чего? Жорка, ты меня пугаешь? У тебя что, спазм тройничного нерва?

– Слушай, шла бы ты работать, а? А то... ты меня отвлекаешь, Ромаша, – тихо процедил Жора, но в его тихом голосе прозвучала прямая и явная угроза. – Уходи ты.

– Гонишь, значит? – обиделась я, ибо работать мне не хотелось. Не в настроении я была, после таких-то поцелуев.

– Да! Иди уже. Отошла, слышишь.

– Как же все плохо-то, – вздохнула я, поднимаясь со стола Жоры. Он яростно перекидывал бумажки из одной стопки в другую, бормоча что-то про заявки. В конце концов даже до меня начала доходить нетипичность его поведения. В поисках источника этого трудогличе-

ского излучения я обернулась и стала искать вампиров или оборотней, которые явно покусали нашего айтишника.

И тут я заметила ее.

– Это кто? – прошипела я, старательно, но безрезультатно пытаюсь оторвать взор от явления в нашем запыленном коридоре.

– Отойди от меня, Ромашка, – сдавленно просипел Жорик. – Богом молю, изготовителем всего сущего. Не хватало еще, чтобы меня с тобой увидели в первый же день.

– Сукин ты сын, – отреагировала я, получив в ответ пинок ногой. Явление направлялось прямо на меня. И я поняла, что ничего уже не изменишь.

Говорят, первое впечатление обманчиво. Еще говорят – с поразительной последовательностью, что оно и есть единственное, которое имеет значение. Второе, третье будут только попытками подтвердить правильность первого. Что ж, как бы там ни было, а первое впечатление, если что, я уже произвела.

Мысль об этой всеобщей энтропии впечатлений мучила меня, в то время как я стояла столбом и пялилась на некую женщину в белом. Она шла по нашему коридору прямо ко мне, а у меня в голове стучало:

Ну не может программист носить такую белоснежную шубу!

Энтропия чертова.

Женщина была высокая, но, несмотря на это, на ее ногах были сапоги на высоченных шпильках. Черные сапоги из лакированной кожи, черные брюки-галифе, черная же водолазка виднеется из-под сияющей белизны шубы. Мюллер. Штирлиц идет по нашему коридору.

Я как никогда близка к провалу. Кто эта черноволосая каланча в белоснежной песцовой шубе? Зачем вообще нужна шуба в мае? Ей не жарко? Нет, в таких шубках в Лос-Анджелесе актрисы получают «Оскар». Шуба и волосы создавали эффект черной королевы на шахматной доске. Как могут человеческие волосы так не по-человечески сиять? Чем их нужно для этого мазать? Душами младенцев? И почему она смотрит на меня так, словно я ей денег должна? Может ли статья, что я ей и вправду денег должна? А почему нет? Может быть, у нее Сережа занял, а сказал, что я отдам, и теперь она пришла, чтобы истребовать долг? Сколько же такая вот могла дать взаймы, если одна ее шуба только несколько тысяч чего-нибудь стоит? Каких-нибудь евро.

Я просто брежу.

Я боюсь женщин в белоснежных шубах: они меня нервируют, я не знаю, как вести себя в их присутствии. Как можно ходить в таком и не бояться посадить пятно? Если бы у меня была такая шуба, я бы испытывала муки и угрызения совести при одной только мысли о том, чтобы выйти в ней на улицу, мне было бы неудобно перед шубой за московскую грязь. Что она подумает обо мне? Нет, не шуба, конечно, а то, что в ней. Черт. В смысле кто. Я даже думать перестала связно, какое уж тут первое впечатление. Что белоснежная обо мне думает, я уже знала. Ничего хорошего, это уж как минимум. Я растрепана. У меня нет никакой прически, на моей голове просто некоторое количество самопроизвольно разросшихся волос. На мне свитер в полоску. Джинсы драные. Черная майка безо всяких там рисунков. Я мучительно

ненавижу себя за то, что слишком худая в одних местах и толстая в других. У меня практически нет груди, особенно если сравнивать. С кем угодно причем. Если смотреть на меня и ни с кем не сравнивать – еще куда ни шло, но вот если поставить рядом с Памелой Андерсен... Сразу нужно расстрелять.

Энтропия. Информационная энтропия – успокаивала я себя. Какое первое впечатление я произвожу? Да откуда я могу знать?! У меня нет доступа к данным. Только собственная неуверенность в себе. Между прочим, вся эта энтропия оттого, как устроена наша дурацкая вселенная – ничего невозможно узнать наверняка. Куда ни копни, найдешь еще меньшие молекулы, атомы, кварки, черт знает что. Макромир тоже хорош – необъятен, собака. Как же искать истину в бесконечно черной комнате с бесконечно малой черной кошкой, которой там нет? Чего эта Черная Королева на меня уставилась?

– Наш новый шеф, познакомься! – процедил Жорик, когда белошубая с изяществом модели подошла к нам вплотную.

– Кто? – подавилась я и попыталась оправить складки с вопиющей неуклюжестью. Но было уже поздно, понятно, что мне влетит за мой внешний вид.

– Ваш новый шеф, – улыбнулась женщина, пока я продолжала самопроизвольно разлагаться на радионуклиды и изотопы. – То есть формально я пока только исполняю обязанности. А вы кто? Наверное, Фаина Павловна?

– Я... ну... наверное, – ответила я, заставив Черную Королеву слегка застыть от изумления. Диссонанс, н-да. По ее мнению, каждый человек должен как минимум знать свое имя. А если человек – идиотка?

– Вы... наверное, Фаина Павловна? Неточно? – переспросила белошубая, улыбаясь еще доброжелательнее, отчего кровь заледенела у меня в жилах. О, эти доброжелательные улыбки начальства, я не покупаюсь на них. Все они, Черные Королевы, рождены с такими вот выражениями лиц. А те, кому не повезло с рождения излучать поддержку и одобрение, тех, от Малдера знаю, специально этому учат. Как правильно улыбаться, чтобы завоевать друзей и оказывать влияние на людей. Особенно если они хотят оказывать влияние. И как произвести это самое чертовое первое впечатление. Малдер-то этому и учит.

– Но у нас же Саша Гусев. Он же исполняет... супружеские обязанности, – бормотала я вместо того, чтобы прояснить ситуацию с моим собственным именем. Коллектив отдела от моего комментария онемел. Жорик даже откатился на сиденье подальше от стола – и от меня, – будто я внезапно сообщила, что болею чумой.

– Гусев... м-м-м... да-да, ему тоже должны были сообщить. Что-то у вас тут так темно и пыльно. Когда в последний раз пылесосили?

– Тут... как бы... должны были недавно, но... – это зашепелявила Яночка, умненькая бесполовая девочка в кофте с капюшоном, уж не знаю, почему она почувствовала себя лично ответственной за чистоту.

– Но не пылесосили. Я догадалась. Меня интересует причина. Я не хочу знать, почему «нет». Я хочу знать, что было сделано, чтобы было «да».

– Случился один инцидент. У нас пылесосом провод засосали и пару коннекторов. Пылесос пришлось менять, но это-то ерунда. Сервер отрубили, уборщица даже не заметила.

– Ага, – прервала ее Черная Королева в белой шубе. Я буквально отказывалась верить происходящему. Из огня да в полымя. Да Саша Гусев был бы идеальным шефом для нашего IT-отдела. И вообще, он заслужил. Его несправедливо обвинили в краже, его имя было очищено от подозрений. Он, как и я, тут уже много лет. Почему шуба, зачем эти длинные ноги и доброжелательная до ужаса улыбка?

– Ему никто ничего не сообщал, – ляпнула я, еле сдерживая злость, направленную главным образом на судьбу.

– Гхм... я заверяю вас, что уже нет. Не исполняет, – на этот раз голос прозвучал куда суше. – Значит, провода уложены небезопасно, понятно. Скажите, э-э-э, – Черная Королева улыбнулась прямо Яночке в лицо, та побелела и ничего не ответила. Черная Королева кивнула и отошла, словно оставив мысль на потом. Повернулась к Рудик, осмотрела его со всей строгостью Эвелины Хромченко, не одобрила его шаманскую бородку, но отвернулась, продолжая улыбаться.

– Вам, может быть, показать ваш кабинет? – спросил Рудик чисто от неожиданности. На него никто и никогда не смотрел таким вот взглядом, после которого так и хочется выбросить всю одежду и немедленно вспрыгнуть на каблуки. Хотя это только вроде для женщин.

– Нет, спасибо, я знаю, где мой кабинет, – заявила Черная Королева, породив тут же бурю вопросов о том, как, когда и при каких обстоятельствах она это узнала. Была тут, пока мы, наивные, наслаждались майским теплом? Обманчиво ласковое солнышко. – Так, господа сотрудники отдела цифровой безопасности и создания интерактивных продуктов, во-первых, прямо с этого момента все сотрудники IT-департамента должны носить бейджики с именами и должностями. Хорошо? И не мычать, а отвечать на вопросы. Давайте пойдем друг друга сразу, чтобы потом не было никаких разночтений. Если я встречу кого-то без бейджика, то таковой сотрудник будет оштрафован... на двадцать долларов.

Кто-то присвистнул, и Черная Королева нахмурила свои божественные брови. Я перебарывала наше новое название отдела. Значит, я создаю интерактивные продукты... жизнедеятельности.

– А во-вторых? – спросила опять же я. Если бы Малдеру сейчас дать фонарик в руки, он бы им осветил мне в темную бездну моего бессознательного и увидел бы мое неосознанное желание быть уволенной. Только кто ж ему даст этот фонарик-то? Мало ли чего там еще понапихано, в моей черепашке. Черная Королева ожила, склонила голову и посмотрела на меня по-новому, словно прикидывая, как меня лучше готовить – мариновать подольше или сразу уж на гриль.

– Во-вторых, у меня в кабинете через десять минут состоится ознакомительное совещание, на которое прошу прибыть всех.

– Уже в бейджиках? – уточнила я, и Черная Королева усмехнулась. Затем кивнула.

– Уже в бейджиках. У меня все!

С этими словами Черная Королева развернулась, потрянула своей белоснежной меховой мантией и направилась в глубь нашего двадцать шестого этажа. Мы все остались стоять (Жорик, правда, остался сидеть) с раскрытыми ртами.

– Ты с ума сошла, Ромашка? – прошипел Жорик. – Тебя куда понесло? Ты не могла ей просто по-человечески сказать, как тебя зовут? Язык бы сломала?

– Уже в бейджиках? – съязвил Рудик, пародируя меня, и отошел от нас своей легкой, вечно слегка танцевальной походкой. Дать бы ему... в бубен.

– Господи, она уволит меня прямо сейчас, на первом же совещании – за то, что у меня такие жирные икры, – простонала Яночка.

– За это не увольняют, – успокоила ее я, но Яночка только обиженно засопела.

– Откуда ты знаешь? Она похожа на фитнес-тренера из гестапо, – огрызнулась она, убегая.

– Слушайте, а где Гусев? И еще – кто-нибудь хоть знает, как ее зовут?

– Гусев тоже опаздывает, – ядовито заметил Жорик. – Где-нибудь бегают... за воланчиком. Пока над всеми нами сгущаются тучи. Черт, не помню я, как ее зовут. Может, в отдел кадров позвонить? Или твоей Горобец? Она все про всех знает.

– У нас десять минут на то, чтобы изготовить пятнадцать бейджиков, а ты говоришь – Горобец. Да! – закричала я.

– Что «да», вспомнила имя? – обрадовался Жорик.

– Нет, но зато я вспомнила, откуда эта пафосная фраза – «мне неинтересно, почему «нет», я хочу знать, что было сделано, чтобы было «да». Это же из фильма «Москва слезам не верит».

– Да, ну и что? – загрустил Жорик, пока я методично и быстро клепала имена на фирменные бирки. Подумала, не приписать ли каждому из нас цену, но не определилась с тем, сколько на нынешнем рынке стоит кучка нердов-айтишников, и забила на эту идею.

– Ее зовут Оксана Павловна, фамилия – Метлицкая, – услышала я знакомый голос за спиной и обернулась. В коридоре стоял Саша Гусев – бледный, какого-то даже зеленого цвета, он чем-то напомнил мне в этот момент Бэтмена, человека, который пришел, чтобы спасти весь город. Значит, Бэтмен все знал, его действительно предупредили.

– Новая Метла, – пробормотала я, Саша двинулся ко мне. Через пару секунд – и шагов – стало ясно, что такому Бэтмену вряд ли удалось бы спасти Готэм – не хватило бы топлива. От Сашки исходил забавный, ни разу мною еще не отмеченный аромат перегара, смешанного в пропорциях один к трем с арбузной жвачкой. Саша Гусев явно много пил накануне. – Откуда она взялась? – Я предпочла не замечать того, что Сашка едва стоит на ногах. Возможно, он даже успел уже похмелиться.

– Что, я смотрю, все уже в курсе изменения нашего курса?

– У тебя есть бейджик? – ехидно поинтересовался Жорик, затем принялся и помахал рукой перед лицом. – Ты что, все майские, не просыхая? Ты мой герой.

– А ты мой геморрой. Что происходит? – спросил Гусев.

– Велено всем холопам и челяди ходить с бейджиками. Тебе тоже, как я понимаю. И еще – мы уже почти опоздали на совещание.

– Да? Ну, тогда пойдем, – легко предложил Саша. По этой невыразимой легкости его бытия я понимала – анестезия еще не отошла. Я прицепила к его свитерку бейджик, ибо лишней двадцатки не было ни у кого, – и мы отправились в геенну огненную, в бывший кабинет Кренделя, в котором с того самого момента, когда его выперли из «Муравейника», никто не появлялся.

Втайне я надеялась, что и Черную Королеву постигнет участь нашего предыдущего шефа. В конце концов, тот тоже был экстремально прекрасен собой. Так, что Машка Горобец млела и мечтала за него замуж. Теперь наш Крендель, вероятнее всего, обитает где-то на просторах Head Hunter. Туда им всем и дорога!

Глава 4

Опирается можно только на то, что оказывает сопротивление¹

Кабинет бывшего босса Кренделя совершенно не сочетался с сапожками Черной Королевы, но ей, кажется, было на это наплевать – что странно, ибо она была из тех женщин, что не просто следуют моде или следят за ней. Она диктовала моду – Черная Королева унижала своим внешним видом других женщин и некоторых мужчин. Ее появление в кабинете Кренделя напоминало гламурное шоу в небольшой пивнушке неподалеку от станции Бирюлево-Товарная.

Черная Королева встречала нас у себя на Страшном суде, и все мы шли понурившись, ибо каждый чуял за собой тяжеловесные смертные грехи. Королева держала осанку, нужные паузы и соответствующий моменту тембр голоса. Жестко, по-деловому, она сообщила нам, что «давно пора менять», что «никакими словами не описать, насколько все плохо». При этих фразах весь наш дружный коллектив покосился на меня, что являлось прямым следствием того факта, что фраза «все очень плохо» – моя и употребляема мною сплошь и рядом во и вне всякого подходящего контекста.

Причина и следствие.

Все покосились на меня, а со стороны это выглядело так, словно в нашем отделе «все очень плохо» из-за меня и всем это известно. Черная Королева кивнула, что-то пометила в своем планшете, а затем добавила, что, уж конечно, «грядут перемены». Жорка, стоявший прямо рядом со мной, с серьезным видом кивал в такт, а сам вдруг склонился ко мне и прошептал мне на ухо, что, кажется, видел эту фифу с одним из наших биг-боссов из совета директоров. Информация была омерзительна сама по себе, но то, что мое ухо практически облизили, было уж совсем ни в какие ворота. Я отшатнулась от Жоры, а Королева, конечно, посмотрела на меня уничижительным взглядом.

Ваня Шариков, самый приличный из нас молодой человек, если говорить о первом впечатлении, наш «специалист по тарелочкам», антихакер (ха-ха) и спец по информационной безопасности (три ха-ха), зашипел на меня.

– Наверняка спит с ним, – снова принялся за мое ухо Жора. Во второй раз я практически подпрыгнула на месте, ибо к несанкционированным прикосновениям не приучена и не люблю их. Еще один пункт в списке, с которым мой божественный Апрель пока незнаком (а уже собрался со мной съезжаться, неразумный). Когда ко мне прикасаются, я кричу «караул» и убегаю – так, на всякий случай. Любовь любовью, но если меня, к примеру, ночью во сне схватить за руку, я могу ответить хуком справа. Ладно, об этом Игорь узнает и сам.

– Показатели корректной работы программного обеспечения на предприятии низжайшие. Несколько крупных процессов интеграции аутсорсингового программного обеспечения стоят на месте, – продолжала Черная Королева.

Про аутсорсинговые программы я слышала не впервые. Большие боссы очень не любили запускать в головы предприятия чужаков, предпочитали «растить кадры изнутри», но некоторые вещи просто невозможно написать отделом из трех с половиной горе-программистов. Большие тяжеловесные базы данных, программы размером с круизный лайнер. Однако нала-

¹ *Стендаль* «Красное и черное» (1830 г.)

живать-интегрировать все равно заставляли всю эту красоту нас. При этом мы же становились крайними в любых вопросах, когда, к примеру, в поле данных не влезала какая-нибудь спецификация или если у бухгалтерии в их программе 1С не отразилось неведомое законодательное изменение. Хотя, казалось бы, откуда ему там взяться, если вы его туда не ввели? Нам-то откуда взять такие данные?

По мнению бухгалтерии, к сожалению, включая Машу мою Горобец, «мыжпрограммисты», а значит, должны знать и предвидеть все.

– А уж теперь, после того как Крендель тут «нааутсорсил» так, что не отмоешься, никто не станет же нам поручать весь этот чертов аутсорсинг... – почти сожрал мое ухо Жорик.

– Слушай, а ты зубы сегодня чистил? – спросила я вдруг, поставив Жору в тупик. – И вообще, то, что ты со мной делаешь, твоя жена не будет считать изменой?

– Ты о чем? – возмутился Жора, но отодвинулся на шаг, хвала изготовителю (как говаривали тачки в моем любимом одноименном мультике).

– Приступаем к интеграции завтра же, – донеслось до меня. Черная Королева усилила громкость и принялась вещать о том, в каком порядке, и какие протоколы, и как распределять зоны ответственности, а у меня отчего-то сработал защитный механизм – черт его знает почему. Видимо, чисто из чувства противоречия, но где-то на этой радостной новости об интеграции я отключилась от «матрицы» и начала раздумывать над тем, не подать ли мне заявление на участие в арктической экспедиции. Откуда-то из темных глубин подсознания вдруг выплыла красивая, в глубоких синих тонах картина бездонного звездного неба, голубых льдов и маленького, почти игрушечного домика сотрудников какой-то экспедиции. В заиндеветых окошках горел свет. Я подумала: почему нет? Там ведь шельфы, нефть, движуха – все, как любят наши короли «Муравейника». А значит, там тоже нужны программисты. Я бы могла делать что-нибудь героическое. Спасать амурского тигра. Хотя... он не живет в Арктике, кажется. Я могла бы завезти туда с десятков амурских тигров, тогда их пришлось бы в любом случае спасать.

Или даже без героизма. Счастье в датском стиле *Hygge*. Шарфик, варежки, свечки, стаканчик глинтвейна. Все было бы очень уютно, все было бы *hygge*, что в переводе с датского означает как раз «уют». У нас были бы свечи, я захватила бы их с собой. Связала бы всем носки – специально для этого я бы даже научилась вязать. Настоящее датское *hygge* – это когда ты плачешь от радости, потому что не замерз насмерть в пурге.

Как раз для меня.

Или пусть все будет в русском стиле – все перечисленное убрать и заменить на водку. Я бы полюбила зиму, ибо нельзя не любить то, что длится одиннадцать месяцев и тридцать дней в году. Лето было бы прекрасным, самым лучшим днем в году.

Что-то пошло не так, и система автоматического срабатывания в чрезвычайных ситуациях принудительно подключила мое сознание обратно к «матрице». И не зря – Черная Королева смотрела мне в глаза и что-то вещала. Я вдруг с ужасом поняла, что обращается она ко мне лично, персонально. Причем, видимо, не в первый раз. Возможно, она даже говорит со мной персонально уже какое-то время. Бог весть о чем. Я вдруг вспомнила, как уютнейший мой Апрель рассказывал о способности людской психики к иннер-замещению (не путать с импортозамещением). Внутреннее замещение – это когда плевать я хотела на то, что мне говорят, думаю о всяких глупостях и витаю в облаках. Кажется, это мой любимый механизм.

– Так что скажет, м-м-м, наш ведущий программист? – спросила меня Черная Королева и с победным видом замолчала. Я впала в ступор. Медленно я подняла правую руку и сложила пальцы в кулак, подперла им губу, словно раздумываю, но выхода не было. Что бы я ни сказала, получились бы чушь и позор. Все было очень, очень плохо?

– Ты запросишь данные по шифрованию у бухгалтерии? Протоколы безопасности? – пришел мне на помощь Гусев, но легче не стало. Я, конечно, кивнула, что, мол, все запрошу в лучшем виде, но... «слишком мало, слишком поздно». Черная Королева не сводила с меня своих пронзительных, темных, я бы даже сказала, колдовских глаз. Она знала, что я ни черта не слушала. Больше того, она понимала, что я знаю, что она это заметила. Откуда? Черт его знает. Все говорят, что я не умею скрывать эмоции. Может, она читает мысли?

И вдруг – о чудо – у меня в кармашке драных штанов завибрировал телефон. «Первый-первый, ответь второму». «Первый-первый, ответь второму». Персональный звонок моей сестры – его мне поставил, конечно же, Вовка, ее сынок. Чего только мой племянничек не вытворяет с моим мобильником! Поубивала бы, но... тут вдруг на меня снизошло озарение. Я приняла позывной, бросила судьбе вызов. Достала трубку из джинсов, но, вместо того чтобы отключить сигнал, я с Очень Умным Видом посмотрела на экран, затем с Тем Же Очень Умным Видом кивнула, подняла ввысь указательный палец и изрекла:

– Это очень срочно. Я на минуточку.

И все! С этими словами я подалась к двери. Через секунду я была уже с другой стороны двери, вне темно-коричневых стен кренделевского кабинета, я оказалась на свободе. Да, я еще не знала и не хотела даже думать, какой ценой, но я ушла от ответа. Хотя... Из огня да в полымя.

– Я не знаю, что мне делать, господи! Я просто не знаю, понимаешь? Я с ума схожу! А что, если и правда? Что, если она сиганет из окна? Это же получается, она из-за меня? – мне прямо в ухо орала, разрывая мою и без того облизанную Жориком перепонку, сестрица. Значит, медовый месяц подошел к концу?!

– Что случилось? Кто сиганет и из какого окна? Ты вообще где? – спросила я, но, кажется, не была услышана.

Информация к размышлению:

Моя сестра Лизавета – та самая, что вышла замуж, сама не зная зачем, – по жизни была особа нежнейшая, раба и жертва Большой Любви. Несмотря на крайнюю непригодность к суровым реалиям этого мира, она, двадцати пяти лет от роду (то есть на два года младше меня), уже родила одного ребенка от мужчины, который и мизинца ее не стоил, и уже ждала второго. Крутые жизненные повороты заставили мою сестру задуматься, а жаль, над своим будущим. Так комфортное *hygge*-будущее бухгалтера-экономиста-банковского клерка (нужное подчеркнуть) сестра променяла на сомнительную радость оказывать народонаселению психологическую помощь и поддержку. Получив соответствующее образование в вузе, где ее побыстрому научили «чему-нибудь и как-нибудь», теперь Лизавета трудилась в психологическом центре «Надежда». Невзгоды не сломили сестру, они куда больше сломили меня, если уж на то пошло. Лизавета любила психотерапию настолько, насколько меня пугала перспектива позволить кому-то копать в моей голове. Я разделяла мнение ученых о том, что психология на сегодняшний день – это не совсем наука. Это нечто иное, только формирующееся, эмпирически недоказанное, состоящее из одних только тезисов, гипотез и счетов за сеансы.

Так уж случилось, что мой божественный Апрель тоже оказался психотерапевтом, только куда более образованным: с медицинским дипломом, научным образом мыслей и глубокими

познаниями в своей профессиональной области. Когда я слушала его, получалось, что это и впрямь вполне возможно – покопаться у меня в голове. И даже не слишком сложно. Мысль, от которой меня бросало в дрожь.

– Клиентка. Она у меня в кабинете! – кричала Лизавета, в голосе паника и ужас. Моя, на минуточку, беременная сестра. Которой никак нельзя кричать и волноваться.

– Да черт с ней, с клиенткой. С тобой-то что?

– Ты не понимаешь, она же у меня на сеансе. Хочет прыгнуть в окно. Я же отвечаю за нее, да? Ну да, господи! Я не знаю, что делать, я никогда с этим не сталкивалась. Ты не можешь Игорю позвонить, он же все-таки клинический психиатр.

– Информация, которую я стараюсь забыть, – пробурчала я. – Слушай, да не прыгнет твоя клиентка в окно.

– Игорю позвони! – истерично вопила Лиза.

– Да пойми ты, у вас неоткуда прыгать. С первого-то этажа только разве ногу можно вывихнуть?

– Она по ночам плачет. Муж ее спрашивает: «Что с тобой», а она ему: «Я лук режу». Как в анекдоте. Только не смешно, потому что муж устал от ее истерик, он свою жену к врачу послал, а врач – ко мне. Официально, с записью в карту ее медицинскую. А она мне говорит, что после нашего сеанса поняла, что вообще жизнь не имеет никакого смысла и проще тогда в окно сигануть.

– Да шутит она, – пробормотала я, а Лизавета всхлипнула. Я огляделась, пытаюсь снова нащупать свое место в этом пространственно-временном отрезке. Пустой отдел пестрил горящими экранами, действительно никакой безопасности. Никто ничего даже в спящий режим не переставил, так и побежали к Черной Королеве на прием. Что-то меня беспокоило. Что-то... ах да, сестра.

– Ничего себе шутки. После моего сеанса! Может быть, она даже так в записке напишет.

– В какой записке, Лиза, ты зачем себя накручиваешь?

– Ты понимаешь, ее вообще не должны были ко мне направлять. Я же самый обычный психолог. Не имею дела с патологией. Ей, может, таблетки нужны. Твой Апрель же прописывает лекарства? Ты говорила, он тебе прописал что-то.

– Ага, от бешенства, – разозлилась я. – Простое снотворное, совокупно с рекомендацией делать зарядку. Потому что я, знаешь ли, работаю много. И даже сейчас тоже как бы работаю.

– И ведь я сама просила этого невролога, если что, ко мне народ отправлять. Знаешь, психология ведь очень хорошо помогает при психосоматике. Ну там... при бессоннице, неврозах, – голос сестры затихал по мере того, как она осознала, что перечисляет все мои диагнозы. Я усмехнулась.

– Не беспокойся, мне бы ты не помогла. Я – тяжелый случай.

– Да? Ты просто никогда бы ко мне и не пришла, – оправдалась Лизавета. – А тяжелый случай – это вот у меня в кабинете сидит. Так ты позвонишь Игорю, а?

– Слушай, а может, она у тебя уже сбежала? Выпрыгнула из окна и ушла? – предположила я, после чего в трубке раздались подозрительные звуки – шорохи и стуки. Ага, моя беременная сестра побежала проверять. Я усмехнулась и отодвинула трубку от уха. Тут до меня вдруг дошло, что именно мне не нравится, что конкретно беспокоит. Не сестра. Хотя и она тоже. Нет, не это. За одним из столов в глубине зала я увидела чью-то голову с ореховыми волосами неоднородного цвета, словно их обладательница или очень долго загорала на солнце, или сделала неудачное мелирование.

Кто бы это мог быть? У нас таких нет – кроме разве что меня. Летом мои волосы как раз примерно до такого орехового хаоса и выгорали. Но ведь это не я? Тогда кто? И почему не на

совещании? Я сделала шаг по направлению к непонятному затылку. Может быть, это какой-то засланец Черной Королевы скачивает компромат на нас, пока мы мирно слушаем все ее «доколе» и «интегрировать немедленно, не дожидаясь перитонитов»? Может, под нас копают? А что? Ведь чисто статистически не могла Черная Королева прийти к нам одна. Такие личности всегда приходят со своей командой. Новая Метла всегда выметает старый сор.

– Что вы выпили? Что это? – раздалось в моем телефоне, и мое внимание переключилось на более неотложные вопросы. Сестра достигла комнаты, где явно происходило что-то не то. – Фая, она какие-то таблетки выпила! Господи, меня посадят в тюрьму. – Дальше была какая-то непонятная возня, напугавшая меня не на шутку. Одно дело – страхи моей сестры. Другое дело – слопанные таблетки, да еще прямо на приеме в кабинете моей беременной сестры, которая уже и так, спасибо Сереже, лежала один раз в больнице на сохранении.

– Лиза, не лезь к ней. Запри ее к чертовой бабушке и жди меня.

– Ты с ума сошла? Как это я ее запру? – запаниковала моя Лизавета.

Я развернулась и закричала:

– Делай, что я говорю. Я сейчас найду Игоря, а ты пока запри ее к чертям собачьим.

– Но что я им скажу. Ой, она... она встает...

– Вот черт! – Я перепугалась. – Отойди от нее. Слушай, не подходи к ней, пусть лучше уйдет. Говори со мной. Что там происходит? Не дай бог она тебе чего-то сделает.

– Она села прямо на пол, – сообщила сестра. – Рыдает.

– А таблетки?

– У нее в руке какие-то.

– Блин, да что за хрень эта твоя работа. Ладно, держись. Я иду! Я бегу! – И я понеслась на выход. Конечно, это было весьма самонадеянно, считать – что я могу попасть с Профсоюзной в Бутово достаточно быстро, чтобы лично спасти ситуацию. Вот если бы я и в самом деле была каким-нибудь мутантом – Человеком-Пауком или Капитаном Америкой, – тогда да. А так ну кого я обманываю? Где я и где Бутово. Но логика во мне умолкла, и я неслась в другое здание, которое у нас в народе называли «Биг-Беном» за большие часы на внешней стене. В лифт, на первый этаж, бегом по улице – только там я вспомнила, что забыла взять ветровку. Плевать. Всего-то пробежать по теплой улице несколько метров, прокрутиться в дверях-вертушках и снова в лифт, на двадцать третий этаж «Биг-Бена». А там в другой коридор, куда более красивый, чистый и стильный, чем наш. На стенах коридора висели фальшивые картины Кандинского, вдоль стен то тут, то там стояли кожаные диванчики. Я неслась так быстро, что чуть не проскочила мимо нужного кабинета с табличкой «Апрель И.А., психотерапевт». Я затормозила и чуть не перекувыркнулась через саму себя. Затем взялась за ручку двери, дернула – и ничего.

Тишина. Все ушли на фронт.

Такая возможность мне ведь даже и в голову не пришла. Игоря не было в его кабинете. Я убежала с совещания, бросила пост, так и не выяснила, что за ореховый шпион работал за нашими компьютерами, а его нет на месте?

– Аллю, ты там? – робко спросила меня сестра. – Она легла на пол.

– В смысле? Она же уже была на полу.

– Да, была. Она на нем сидела. А теперь лежит. Лицом вниз. И не шевелится.

– А она таблетки съела или только достала?

– Да откуда я знаю. – Тут я услышала в голосе Лизы нотки, намекавшие на то, что сейчас она сама ляжет на пол и заплачет. Я заколотила кулаком по двери кабинета моего Апреля в бессильной злобе. – Я же выходила! Может быть. Эй, Зинаида... господи, забыла ее отчество. Зинаида, вы таблетки выпили? Сколько вы выпили? Я только хочу помочь.

Дальше я услышала вой. Настоящий, аутентичный бабий вой. Так, как в фильме «Любовь и голуби» выла Надюха. Лизавета взвизгнула. Сестра явно испугалась. А у меня отлегло.

– Не кричи, Лиза, не кричи. Воет – значит, живая. Верно? Ты ей, знаешь, скажи, чтобы она дышала! – «родила» я не по размеру ценный совет, всегда казавшийся мне самым странным и нелепым из всего, что выдавала моя сестрица. Ага, спасибо, а то я обычно забываю! Они бы мне советовали подогреть кровь до 36,6 градуса. Если уж на то пошло, все эти штуки находятся в ведении периферической нервной системы, и я не забуду о них, даже если буду спать или если потеряю сознание. Да что там, я буду дышать даже в коме.

Впрочем, насчет комы я не уверена. Но я вдруг подумала, что и такой совет – просто дыши – сейчас подойдет как нельзя лучше, просто так, чтобы отвлечь человека. Или чтобы заполнить паузу... пока я буду искать выход. Я сосредоточенно кусала губу, раздумывая над сложившейся ситуацией. Так, клиентка воет на полу. Анамнез неизвестен. Прошное темное, будущее туманное. Что бы сделал Апрель, окажись он на моем месте? Черт, да он бы никогда на нем не оказался. Хорошо, не на моем – на Лизаветинном. Как бы он поступил, будь он домо- рощенным беременным психологом, а на приеме у его клиентки вдруг поехала крыша?

Я закрыла глаза и представила Игоря – мужская тяжеловесная уверенность в себе, проникновенный взгляд, немного ироничный, словно он еле сдерживается, чтобы не сказать какую-нибудь колкость. Впрочем, я всех и всегда в этом подозреваю, но это уже имеет отношение к моей личной неуверенности в себе. Так, зеленые глаза, на щеках небольшое раздражение – кожа страдает от постоянного воздействия лезвия на нее. Чуть заметна щетина – бритье не убирает ее до конца. Интеллигентен, образован, статен. Он не станет теряться в подобных обстоятельствах. Игорь не станет звонить сестре. А кому? Кому он станет звонить?

Каждый отвечает только за свою жизнь.

Игорь Вячеславович всегда сохраняет холодную голову, он умеет отделять работу от личного. Не берет на себя чужого. Моя сестра только и делает, что берет на себя все – и свое, и мое, и того парня. Меня это бесит, потому что я люблю мою Лизу и мне постоянно обидно за нее. Я бы хотела, чтобы она тоже была такой – холеной, спокойной, рассудительной. И отвечала бы только за свою жизнь, даже когда твоя клиентка пытается покончить с собой у тебя на приеме.

– «Скорая»! – я подпрыгнула на месте. – Да! Лиза, вызови «Скорую». И дай ей воды. Нет, постой, воды не надо. Пусть уж лучше просто воет. И дышит.

– Зачем?

– Как зачем? – всплеснула руками я. – Дышать-то надо.

– «Скорую» зачем?

– Ах, это! Надо, надо. Не спрашивай, просто вызывай. И полицию.

– Ты уверена? – переспросила Лизавета, явно готовая последовать любому моему совету. Я зажмурилась еще раз – свериться с моим внутренним Апрелем. Голос внутри меня сказал, что Апрель, будь он на моем месте, именно так и поступил бы.

– Да, да. Вызови от имени центра своего. Должность свою назови.

– А клиентке что сказать?

– Ничего не говори.

– Она на меня смотрит, – прошептала сестра очень тихо. – Как будто гипноз пробует.

– Ладно, скажи ей, что ты ее понимаешь. Скажи, чтобы дышала. Попроси рассказать все сначала – люди любят трепаться. И не смей паниковать.

– А Игорь? Он с тобой?

– Да. Да. Он со мной, – соврала я. – Просто не может говорить.

– Хорошо. Ты только не отключайся, – сказала Лиза чуть более спокойным тоном. Одно только имя Апреля успокаивает людей. Я выдохнула и прислонилась к двери лбом. Дверь была шершавой и теплой. Внезапно она двинулась и исчезла, лишив меня опоры. Я провалилась внутрь кабинета и упала бы, если бы меня не поймал Игорь Вячеславович Апрель. Собственной персоной, он стоял передо мной в проеме раскрытой двери.

– Да ты откуда взялся? – возмутилась я, возвращая себе утраченное равновесие.

– Интересный вопрос. Вообще-то это мой кабинет.

– Да? А чего же ты не открывал, когда я стучала? – возмутилась я. Игорь помолчал, рассматривая меня, а затем вздохнул, словно я снова – в сотый уже раз – разочаровала его.

– Фаин, это мой кабинет, я в нем работаю! У меня идет сеанс. Разве можно так стучаться и кричать? – строго спросил он. Я только растерянно хлопала глазами. Игорь был без пиджака, в одной только светло-голубой рубашке с закатанными рукавами и без галстука. У него в кабинете было солнечно и жарко, отчего, кстати, его многочисленные цветы в горшках и кадках цвели, разрастались и благоухали, делая кабинет похожим на цветочную галерею.

– Здравсте! – пробормотала я, наткнувшись на возмущенный взгляд недовольного мужчины средних лет – тоже в рубашке и без пиджака. Он сидел на темно-коричневом диване для посетителей. – У меня вопрос жизни и смерти.

Глава 5

Каждый день приходит, чтобы начать жизнь с чистого листа... и закончить неразборчивыми каракулями

Мы добрались до «Надежды» раньше, чем «Скорая», что было бы вполне забавным, если бы не было печальным. Или даже пугающим. Я лично вообще не понимаю, как эти так называемые «кареты» успевают к своим больным в условиях тотального трафика и всяких придурков, мешающих проезду. Если бы я была водителем «Скорой», я бы, наверное, больше людей задавила, чем спасла. Потому что бесят, знаете ли.

Мы ехали спокойно и молча, потому что, если бы я начала говорить, то сразу стала бы кричать. Нервы. У меня их было слишком много – компенсация за нечеловеческое спокойствие Апреля. Откуда у человека столько хладнокровия, спрашивается? Неужели его ничего не может напугать или расстроить? Неужели даже на смертном одре он будет лежать – благородный высокий старец с прекрасной осанкой и красивым оттенком седины – и говорить, что это нормальный, естественный ход вещей и что нужно просто дышать?

– Ты какая-то напряженная, – сказал вдруг Игорь с неожиданно приятным беспокойством в голосе.

– Да, ты считаешь? А обычно, когда моя сестра одна сидит в комнате с какой-то чокнутой, это меня страшно расслабляет.

– Сарказм – защитная реакция, – примирительно бросил он.

– Она самая, – рявкнула я. Меня бесило все: и то, каким спокойным Апрель был, и то, каким красивым. Даже когда он усталый, раздраженный и без пиджака, на него хочется смотреть не отрываясь. И его хладнокровие аккуратно намекало на то, что его чувства ко мне не могут быть глубокими. Эта темная зелень, этот омут в глазах. Что я буду делать, когда Игорь разобьет мне сердце? Как я могла довести ситуацию до такого?

– Я не думаю, что у клиентки Лизы настоящая клиническая депрессия. Честно, я уверен, что все наладится. Ты зря только срываешься.

– Конечно, зря. Ведь люди нервничают и волнуются только и исключительно по собственному желанию, верно? Все в мире легко поддается контролю, да? Нет ничего невозможного для человека с интеллектом?

– Так, я списываю все это на остроту момента.

– С чего ты взял, что там не может быть ничего серьезного? Ну вот как можно такое говорить?

– Потому что она выла, – пожал плечами Апрель. – А пациенты в клинической депрессии ведут себя иначе. Рыдать, выть – это ведь нормальная реакция на стресс. А те, кто действительно в депрессии, могут вообще не вызывать подозрений, казаться совершенно нормальными, только очень тихими. Одна моя пациентка говорила, что задыхается, даже когда дышит. Она обычно сидела очень тихо, не двигалась, не шевелилась – совсем. А однажды ее нашли утром на полу, еле откачали. Задохнулась, пытаюсь повеситься на простыне. Хотя это просто невозможно сделать, да там и не на чем – ни люстр, ни крюков. Это же психиатрическая больница, но она все равно пыталась. Привязала простыню к ножке кровати и тянула...

– Кошмар, – прошептала я. Игорь вздрогнул, посмотрел на меня так, словно только сейчас вспомнил, что я сижу рядом на соседнем сиденье.

– Да-а уж, – протянул он, сворачивая к психологическому центру «Надежда». – Смотри-ка, а «Скорой» еще нет.

– Может, уже уехали? В смысле увезли?

– Тогда бы твоя сестра уже взорвала телефон звонками, – резонно заметил Игорь, припарковываясь так, чтобы оставить въезд для «Скорой». Зона, размеченная специально для этих целей, была уже заставлена другими машинами. – Ты сегодня на тренировку поедешь? Саша тебя на весь день отпустил?

Два вопроса, каждый из которых застал меня врасплох. Про тренировку я забыла – весь этот переезд сбил меня с толку. Это ведь был первый день совместной жизни, и я словно ходила по минному полю, а сегодня утром из квартиры Апреля – нашей с ним квартиры, которую мы теперь арендовали вместе, если уж на то пошло, – я фактически сбегала, как дезертир с поля боя. Про форму я даже не подумала.

И Саша никуда меня не отпустил. Саша вообще больше ничего не решил.

– Как это ты просто ушла?

– У меня сразу крыша поехала, когда я услышала Лизкин голос. Ты же знаешь, она только недавно из больницы. А что, если ее опять заберут? А Вовка? Я запаниковала и не подумала. Там еще была какая-то девица, сидела за Ванькиным компьютером. Нас все равно всех выкинут и приведут новую команду.

– Так-так-так, дай мне подвести промежуточный итог, – перебил меня Игорь. – У вас в отделе новый босс, которого ты даже не поставила в известность, что уходишь. Я правильно понял? Это логично! Просто и со вкусом. Развернуться и уйти, не сказав ни слова после того, как этот самый босс спросил тебя о вашей интеграции... чего с чем?

– Не важно. Мне просто не везет. Каковы шансы, что меня не уволят? Ты же понимаешь, что уволят все равно! Им просто, наверное, нужны основания. Вот они их и ищут! – грустно пожала плечами я, открывая дверь в центр «Надежда». За ними, прямо передо мной, в просторном холле, выстеленном пыльным ковролином, стояла Лизавета.

– Как это уволит? Кто уволит, кого? Тебя? Почему? – тут же разразилась она вопросами.

– Так, я не понимаю, у тебя что, своих проблем не хватает? – окончательно озверела я. – Меня препарировать сегодня не будем. Где твоя сумасшедшая?

– Тише! – моментально вытаращилась сестра, и я поняла, что сумасшедшая сидит тут же, в коридоре, и смотрит на меня возмущенным и немного смущенным взглядом.

Сумасшедшую звали Зинаида. Ей было за сорок, точнее не скажешь, ибо ей могло оказаться и сорок два, и пятьдесят два – с одинаковой долей вероятности. Однако на сумасшедшую она никак не походила. Что, руководствуясь изуверской логикой моего всеведущего Малдера, как раз намекало на то, что сумасшедшей она вполне могла оказаться на самом деле. Зинаида была женщиной простой, без изысков. Бесформенный свитер с не до конца отстиранными пятнами неустановленного происхождения (вполне может быть, что и от кофе), темно-синие, немаркие джинсы туго обтягивали ее внушительный зад.

– Игорь, спасибо, что согласились приехать, – залебезила Лизавета, пока мы с Зинаидой враждебно сверлили друг друга глазами.

– Меня очень убедительно попросили, – серьезно сказал Игорь, слегка кивнув в мою сторону. Лизавета тут же зарделась.

– Я не хотела вас отрывать, но тут сложный случай.

– Фаина сказала, вы уже вызвали «Скорую»? Что именно произошло? Почему их до сих пор нет?

– Они передали куда-то вызов. В... психиатрическую. – Лиза была бледная, но держалась уверенно, особенно теперь, когда мы с Малдером были рядом. Как говорится, никто не умер, и

ладно. Они разговаривали между собой так, словно ни меня, ни тем более Зинаиды тут вовсе и не было.

– Пила? – спросила я, прервав напряженное молчание.

– Смотря что, – обиженно буркнула Зинаида, откинув назад увесистую тяжелую косу. Я давно уже не видела женщин с косами. Молодые вообще их не носили, предпочитая отутюженные до неестественности ровные блестящие волосы. С возрастом волосы становились все короче – удобно ухаживать. Но у Зинаиды была шикарная коса. Раритет. Глаза тусклые, но большие, когда-то голубые, теперь помутневшие, с желтизной. Наверное, здоровье шалит.

– Таблетки?

– Фестал я выпила, – буркнула Зинаида.

Я пораженно замолчала. Лицо женщины было красным, помятым, с неровными пятнами от слез. Буря пронеслась, а следы остались. Я попыталась представить, как бы Зинаида прыгала из окна, но не смогла. Нет, прав Малдер: те, что воют, не вешаются.

– Муж бросил? – неожиданно спросила я.

– Не бросил, – покачала головой она.

– Гуляет? – продолжила зачем-то задавать вопросы я.

– Ну и что? – неожиданно обиделась она. – Ты-то что, тоже психолог?

– Боже упаси. Мне хватает этих двоих, – усмехнулась я, показав глазами на сестру с... да как бы его называть-то? Сожителем? Ха-ха!

– Красивый, – протянула Зинаида безо всякой зависти в голосе. – С такими-то хуже всего.

– Не говори. Страшное дело, – согласилась я.

– Мой тоже красивый... был. Да бабам разве есть разница? С пузом или нет, все одно. Он говорит. Улыбается. А я не могу прямо, хочется в морду дать. Я же знаю, я была у нее – у другой. Гуляет он от меня. Вот Лизочка все хочет, чтобы я примирилась с собой. Чтобы приняла свою жизнь. А на черта она мне такая? Сыну пятнадцать, и он тоже все знает. Обедать к ней ходил. Ты понимаешь, какой позор? Сын там жрал. Так она ему еще и денег дала на новые кроссовки. Целых три тысячи. Я работаю в кафе, помощник повара. Я что, кроссовки не куплю своему сыну? А? Она вообще какое право имеет в мои дела лезть?

– А муж чего? – спросила я.

– В смысле? – опешила Зинаида. – Муж ничего.

– Вообще ничего? Не знает, что ли?

– Конечно! Я не говорю ему ни о чем. Не дождется. – Зинаиду аж передернуло от возмущения. – Я скажу, ага, так он сразу к ней и ускачет. Знаю я такие истории. Поймают с поличным, а муж тут же лапки свесит и давай уходить к другой. И все. Так и кукуют.

– Кукуют, значит, – вздохнула я. – Из окна прыгать-то не будешь? По ночам рыдать?

– Не знаю пока, – покачала головой Зинаида и насупилась. – А тебе что за дело? Бес-смыслица какая-то. Зачем психиатрическую-то вызвали?

– Ты хоть видела, что психолог твой беременная? А? Ну куда на полу валяться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.